

ISSN 2587-7445

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

俄中研究

Russian and Chinese Studies

2021 • Т. 5 • № 3 (14)

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

俄中研究

Russian and Chinese Studies

2021

Научный журнал

Т. 5, № 3 (14)

Учредитель и издатель Байкальский государственный университет (БГУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Глазьев Сергей Юрьевич, академик РАН, член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии от Российской Федерации (председатель редакционного совета), Москва

Минакир Павел Александрович, академик РАН, научный руководитель Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (заместитель председателя редакционного совета), Хабаровск

Цвигун Ирина Всеволодовна, доктор экономических наук, профессор, директор Института мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет (главный редактор), Иркутск

Селищев Александр Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, (заместитель главного редактора), Санкт-Петербург

Олейников Илья Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет; доцент кафедры международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет (заместитель главного редактора), Иркутск

Балашова Мария Александровна, кандидат экономических наук, доцент, кафедра мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет (ответственный секретарь), Иркутск

Барабаш Виктор Владимирович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, Российский университет дружбы народов, почетный профессор Хэнаньского университета (КНР), Москва

Ван Цян, доктор экономических наук, профессор, проректор, Университет международного бизнеса и экономики, Пекин, КНР

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет, Чита

Кузьмин Юрий Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, Иркутск

Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Департамента зарубежного регионоведения, НИУ «Высшая школа экономики»; профессор кафедры востоковедения, МГИМО МИД России, Москва

Масловец Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, и.о. зав. кафедрой китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков, МГИМО МИД России, Москва

Михалев Алексей Викторович, доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ

Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Пименова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, ректор, Институт иностранных языков, Санкт-Петербург

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, президент АНО «Институт научных коммуникаций», Волгоград

Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Чжоу Вэйди, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института экономики и деловой администрации, Педагогический университет центрального Китая, Ухань, КНР

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-68731 от 17 февраля 2017 г.

Журнал содержит научную информацию и знаком информационной продукции не маркируется.

Отрасли науки: 5.6.2 — Всеобщая история; 5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика; 5.2.5 — Мировая экономика; 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии; 5.5.4 — Международные отношения.

Подписной индекс — 80653. Каталог периодических изданий «Газеты и журналы» УК «Боксберри».

Адрес учредителя, издателя и редакции: 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: rcs@bgu.ru

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

俄中研究

Russian and Chinese Studies

2021

科学杂志

5 卷 3 (14) 号

创立者和出版者 贝加尔国立大学

编辑委员会

Sergey Yu. Glaziev, 莫斯科俄罗斯科学院院士, 区域经济一体化问题总统顾问

Pavel A. Minakir, 莫斯科俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院远东分院经济研究所科研包工头, 哈巴罗夫斯克市

Irina V. Tsvigun, 经济学博士, 教授, 世界经济与国际关系学院院长, 贝加尔国立大学 (总编辑), 伊尔库茨克市

Aleksander S. Selishchev, 经济学博士, 教授 (副主编), 圣彼得堡市

Ilya V. Oleynikov, 历史学副博士, 副教授, 历史系, 伊尔库茨克国立大学; 副教授, 国际关系与关务教研室, 贝加尔国立大学 (副主编) 伊尔库茨克市。

Maria A. Balashova, 经济学副博士, 副教授, 世界经济与经济安全教研室, 贝加尔国立大学 (执行秘书) 伊尔库茨克市

Victor V. Barabash, 语文学博士, 教授, 语言系主任, 莫斯科人民友谊大学, 河南大学的名誉教授 (中国), 莫斯科市

Wang Qiang, 经济学博士, 教授, 副校长, 对外经济贸易大学, 北京, 中华人民共和国

Irina V. Yerofeyeva, 文科博士, 教授, 后贝加尔国立大学, 新闻学与公共关系教研室主任, 赤塔

Yury V. Kuzmin, 历史学博士, 教授, 世界经济与经济安全教研室, 贝加尔国立大学, 伊尔库茨克

Yana V. Leksyutina, 政治学博士, 教授, 美国研究所, 圣彼得堡国立大学, 圣彼得堡市

Sergey G. Luzyanin, 历史学博士, 教授, 国家高等经济研究学院教授; 院东方学系教授, 莫斯科国立国际关系学, 莫斯科市

Olga A. Maslovets, 教育学副博士, 中文, 越南语, 泰文, 老挝语教研室代理主任, 莫斯科国际关系学院, 莫斯科市

Alexey V. Mikhalev, 政治学博士, 教授, 经济变化研究中心主任, 道尔吉·班扎罗夫布里亚特国立大学, 乌兰乌德市

Vladimir F. Pecheritsa, 史学博士, 教授, 国际关系教研室的, 远东联邦大学, 符拉迪沃斯托克市

Marina V. Pimenova, 文科博士, 教授, 外国语学院的校长, 圣彼得堡市

Elena G. Popkova, 经济科学博士, 教授, “研究所所长, 科学联络研究所” 自治体, 伏尔加格勒市

Alexander A. Sergunin, 政治学博士, 教授, 国际关系理论与历史系, 圣彼得堡国立大学, 圣彼得堡市

Zhou Weidi, 经济学博士, 教授, 经济与工商管理学院副院长, 华中师范大学, 武汉市, 中华人民共和国

已在俄罗斯联邦通信、信息技术与大众媒体监察局注册备案, 注册执照编号: ПИ № ФС 77-68731, 有效日期自2017年2月17日始。

该杂志含有的科研信息, 没有进行标注。

科学分类: 5.6.2 — 通史; 5.2.3 — 区域和部门经济; 5.2.5 — 世界经济; 5.5.2 — 政治机构、进程、技术; 5.5.4 — 国际关系。

出版商地址: 伊尔库茨克市, Lenin 大街 11号, 邮编 664003。

电子邮箱: rcs@bgu.ru

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

俄中研究

Russian and Chinese Studies

2021

Scientific Journal

Vol. 5, No. 3 (14)

Founder and publisher Baikal State University

EDITORIAL BOARD

Sergey Yu. Glaziev, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Adviser to the President of the Russian Federation on Regional Economic Integration Issues (Editorial Board Head), Moscow

Pavel A. Minakir, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Research Director of the Institute of Economic Research of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences (Deputy Editorial Board Head), Khabarovsk

Irina V. Tsvigun, D.Sc. in Economics, Professor, Director of the Institute of World Economy and International Relations of Baikal State University (Chief Editor), Irkutsk

Aleksander S. Selishchev, D.Sc. in Economics, Professor, (Deputy Chief Editor), Saint-Petersburg

Ilya V. Oleynikov, Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University; Associate Professor, Department of International Relations and Customs, Baikal State University (Deputy Chief Editor), Irkutsk

Maria A. Balashova, Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of International Economy and Economic Security, Baikal State University (Executive Secretary), Irkutsk

Victor V. Barabash, D.Sc. in Philology, Professor, Dean of the Faculty of Philology, Peoples Friendship University of Russia, Honorary Professor of Henan University (China), Moscow

Wang Qiang, D.Sc. in Economics, Professor, Vice-Rector, University of International Business and Economics, Beijing, China

Irina V. Yerofeyeva, D.Sc. in Philology, Professor, Head of Department of Journalism and Public Relations, Transbaikal State University, Chita

Yury V. Kuzmin, D.Sc. in History, Professor of Department of International Economy and Economic Security, Baikal State University, Irkutsk

Yana V. Leksyutina, D.Sc. in Politics, Professor of American Studies Department, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Sergey G. Luzyanin, D.Sc. in History, Professor of Foreign Regional Studies Department, National Research University «Higher School of Economics»; Professor of Department of Oriental Studies, Moscow State University of Foreign Affairs, Moscow

Olga A. Maslovets, Ph.D. in Pedagogy, Acting Head of Department of Chinese, Vietnamese, Thai and Lao Languages, Moscow State University of Foreign Affairs, Moscow

Alexey V. Mikhalev, D.Sc. in Politics, Director of the Center for the Study of Political Transformations, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Vladimir F. Pecheritsa, D.Sc. in History, Professor of Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok

Marina V. Pimenova, D.Sc. in Philology, Professor, Rector of Institute of Foreign Languages, Saint Petersburg

Elena G. Popkova, D.Sc. in Economics, Professor, President of the ANO «Institute of Scientific Communications», Volgograd

Alexander A. Sergunin, D.Sc. in Politics, Professor of Department of International Relations Theory and History, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Zhou Weidi, D.Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of Economics and Business Administration, University of Education Central China, Wuhan, Hubei Province, China

Authorized by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications License ПИ № ФС 77-68731, February 17, 2017.

The journal contains scientific information and is not labeled with the brand of information products.

Branches of Sciences: 5.6.2 — General History; 5.2.3 — Regional and Industrial Economy; 5.2.5 — International Economy; 5.5.2 — Political Institutions, Processes, Technologies; 5.5.4 — International Relations.

«Boxberry», catalogue «Newspapers. Journals», Subscription Index: 80653.

Address of the founder, publisher and editorial board: 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russia. E-mail: rcs@bgu.ru

Содержание

Экономика и международные отношения

- Горячев Н.Н.** Китайские горнодобывающие компании в Перу: существует ли единая причина проблем? 141
- Лузянин С.Г.** Российско-китайское партнерство образца 2021 года: глобальные, региональные и двусторонние измерения..... 151

Экономика и политика

- Ринчинов А.Б.** Концептуализация внешнеполитического курса Китая: продукт амбиций или обстоятельств?160
- Селищев А.С.** Опыт Китая по борьбе с опустыниванием и озеленению страны: история, итоги и перспективы168
- Намжилова В.О.** Значение пограничных пунктов пропуска товаров Внутренней Монголии для развития трансграничных связей КНР 179

История международных отношений

- Кузьмин Ю.В.** Чешское монголоведение: персоналии, центры, современное состояние 185

Рецензии. Отклики на публикации

- Олейников И.В.** Новый труд по истории российско-китайской границы 192
- Требования к публикуемым статьям 198

目录

经济与国际关系

- Goryachev N.N. 中国矿业公司在秘鲁: 是否有一个单一的问题原因? 141
- Luzyanin S.G. 2021年模式的俄中伙伴关系: 全球性的、地区性的、双边的等层次 151

经济与政治

- Rinchinov A.B. 中国外交政策的概念话: 政治野心还是政治环境的结果? 160
- Selishchev A.S. 中国防治荒漠化和绿化国家的经验: 历史、成果和前景 168
- Namzhilova V.O. 内蒙古口岸对发展中华人民共和国跨境关系的作用 179

国际关系历史

- Kuzmin Yu.V. 从“捷克蒙古族研究: 人物、中心、现状 185

评论。期刊出版反馈

- Oleynikov I.V. 关于中俄边界历史的新著作 192
- 刊文要求 198

Contents

Economy and International Relations

- Goryachev N.N.** Chinese Mining Companies in Peru: Is There a Single Cause of Problems? 141
Luzyanin S.G. Russia-China Partnership 2021: Global, Regional and Bilateral Dimensions 151

Economy and Politics

- Rinchinov A.B.** Conceptualization of China's Foreign Policy:
 A Product of Ambition or Circumstances?..... 160
Selishchev A.S. China's Experience in Combating Desertification and Greenifying the Country:
 History, Outcomes and Prospects..... 168
Namzhilova V.O. The Importance of Border Checkpoints of Goods of Inner Mongolia
 for the Development of Cross-Border Relations of People's Republic of China 179

History of International Relations

- Kuzmin Yu.V.** Mongolian Studies in the Czech Republic: Personalities, Centers,
 Current State 185

Reviews. Responses to the Publishing of the Journal

- Oleynikov I.V.** A New Monograph on the History of the Russian-Chinese Border 192
 Requirements for Submitted Articles..... 198

Экономика и международные отношения

经济与国际关系

Economy and International Relations

УДК 339.92, 327

DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).141-150

**Китайские горнодобывающие компании в Перу:
существует ли единая причина проблем?****Н.Н. Горячев**

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока, Дальневосточное
отделение Российской
академии наук,
г. Владивосток,
Российская Федерация

Дата поступления:

04.10.2021

Дата принятия к печати:

29.11.2021

Дата онлайн-размещения:

29.12.2021

Аннотация. Зависимость Китая от поставок минеральных ресурсов становится всё сильнее, в последние годы активность китайских инвесторов в горнодобывающей отрасли в мировом масштабе существенно возросла. Деятельность китайских инвесторов в развивающихся странах имеет свои характерные особенности, считающиеся иногда опасными для стабильности и суверенитета этих стран. Главные из них — это крупномасштабность проектов и протесты локальных сообществ в ходе их реализации. В статье рассмотрена деятельность китайских горнодобывающих компаний в Перу, в которой оба этих условия совпадают. Автор анализирует деятельность «Shougang», «Chinalco» и «MMG Ltd.» исходя из гипотезы о том, что если существует особый китайский путь инвестирования, то проблемы, возникающие у инвесторов и приводящие к конфликту с локальными сообществами должны иметь единую причину, которая будет уникальной именно для китайских предприятий. И при этом инвесторы вероятно будут стремиться к дистанцированию от взаимодействия с властями и местным населением. В результате исследования сделан вывод, что такую причину выделить на указанном этапе нельзя. Причины проблем для каждого из рассмотренных предприятий являются уникальными, но не объединяют их. Они обусловлены экономической ситуацией, бюрократическими проблемами перуанских властей, общими тенденциями во взаимоотношениях транснациональных добывающих компаний и населения Перу. В то же время китайские компании стремятся учитывать опыт своих предшественников. Вероятнее всего в дальнейшем это приведет к большей открытости и расширению диалога между инвесторами, правительством и населением.

Ключевые слова. Китай, Перу, инвестиции, горнодобывающая отрасль, Латинская Америка, добыча полезных ископаемых, местное сообщество.

中国矿业公司在秘鲁: 是否有一个单一的问题原因?**N.N. Goryachev**

远东人民历史, 考古和民族志研
究所, 俄罗斯科学院远东分院,
符拉迪沃斯托克, 俄罗斯联邦

结稿日期: 2021年10月4日

出版日期: 2021年11月29日

网上出版日期: 2021年12月29日

摘要: 中国对矿产资源供应的依赖性越来越强, 近年来中国投资者在全球范围内的采矿业活动显著增加。中国投资者在发展中国家的活动有特点, 有时这些特点对这些国家的稳定和主权是危险的。主要的特点是大型项目和当地社区在实施过程中的抗议活动。作者在文章中考察了中国矿业公司在秘鲁的活动。作者分析了首钢、中铝和MMG有限公司的活动。基于这样一个假设, 即如果有一种特殊的中国投资方式, 那么对于投资者来说出现并导致与当地社区冲突的问题应该有

一个单一的原因，这对中国企业来说是独一无二的。投资者可能不会与当局和当地居民互动。由于研究结果作者作出的结论是在现阶段不可以确定这样的原因。作者考虑每个企业的问题原因都是独特的，但是问题并不能团结企业。它们看经济情况，秘鲁当局的官僚问题，跨国矿业公司与秘鲁人口关系的一般趋势。与此同时中国企业正试图考虑到前辈的经验。最可能今后上面所说的看法将导致更大的开放和扩大投资者，政府和人口之间的对话。

关键词：中国，秘鲁，投资，采矿工业，拉丁美洲，矿产资源开采，本地社区。

Chinese Mining Companies in Peru: Is There a Single Cause of Problems?

N.N. Goryachev

Institute of History, Archaeology
and Ethnology of the Peoples
of the Far-East, Far-Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russian Federation

Received: 2021 October 4

Accepted: 2021 November 29

Available online: 2021 December 29

Abstract. China's dependence on the supply of mineral resources is becoming stronger than ever. The activity of Chinese investors in the mining industry on a global scale has increased significantly during the last years. Moreover, the activity of Chinese mining investors in the developing countries has some special characteristics such as large-scale projects and protests of local communities during their implementation. This article discusses the activities of Chinese mining companies in Peru, in which both of these conditions were present. The author analyzes the activities of "Shougang", "Chinalco" and "MMG Ltd" in Peru. The hypothesis is as follows. If there is a special Chinese way of investing, the problems of listed investors (which lead to conflict with local communities) should have a single reason that is unique for all Chinese enterprises. In these conditions, investors should keep the distance between themselves and Peruvian authorities and the local citizens. As a result of the study, the conclusion is made that such reason cannot be identified at this stage. The causes of problems for each of the considered enterprises are unique, but not common for all of them. The origins of these problems are the economic situation, the bureaucratic problems of the Peruvian authorities, as well as the general trends in the relations between transnational mining companies and the Peruvians. At the same time, Chinese companies try to take into account the experience of their predecessors. Most likely, in the future that could possibly lead to greater openness and expansion of dialogue between investors, government and the public worldwide.

Keywords. China, Peru, mining investments, Latin America, mining conditions, resource exploration, local community.

Постоянный рост экономики Китая позволил ему стать не только крупнейшей производственной экономикой, но и дал возможность продвигать инфраструктурные инициативы глобального масштаба, например, широко известные сейчас «Один пояс. Один путь», «Морской шёлковый путь». Это стало возможным благодаря не только наращиванию промышленного производства, но и продвижению инвестиций КНР в ин-

фраструктуру по всему миру. С другой стороны, рост экономики и инвестиционной активности обусловил постоянное возрастание потребности Китая в природных ресурсах, как для энергетического обеспечения, так и для непосредственного производства товаров, в том числе высокотехнологического оборудования. Это сделало Китай лидирующим импортером и потребителем минерального сырья, в частности металлов. Ки-

тайские горнодобывающие компании, исходя из стратегии «выхода вовне», за два последних десятилетия стали активными участниками проектов по добыче полезных ископаемых по всему миру, причем как в развивающихся (Замбия, Перу, Киргизия), так и в развитых (Австралия) странах. Эти проекты различны по своему свойству и объему инвестиций, начиная от геолого-разведки и заканчивая поглощением уже существующих крупных проектов других компаний.

Изучая природу и движущую силу инвестиций Китая в разведку и разработку природных ресурсов, исследователи указывают особенности их осуществления как на глобальном уровне, так и в отдельных странах. Некоторые авторы полагают, что инструменты, используемые Китаем хорошо известны: в обмен на долгосрочный доступ к месторождениям, китайская сторона обеспечивает другим странам льготные кредиты, иную финансовую помощь и реализует инфраструктурные проекты. Они указывают и на то, что географическая близость некоторых месторождений имеет существенное значение для объяснения инвестирования Китаем средств в добычу в Юго-Восточной Азии, Австралии и Монголии — но это справедливо для небольших фирм, в то время как соглашения о свободной торговле с латиноамериканскими странами (Перу и Чили) стимулируют к инвестированию гигантов горнодобывающей индустрии Китая [1]. Другие исследователи, в частности М. Моррис и Р. Каплинский указывают, что китайские инвесторы отличаются склонностью к рискованным проектам, низкой дисциплиной, но в то же время имеют склонность к обучению и стремление использовать лучшие практики индустрии [2]. С другой стороны, особую актуальность имеет вопрос изучения деятельности китайских горнодобывающих компаний в тех развивающихся странах, например, Замбии [3; 4], Перу [5–8], и Папуа-Новой Гвинеи [9] где их присутствие наиболее заметно вследствие двух факторов. Первый — реализация очень крупных по масштабу проектов, второй — серьезные протесты местного населения, для подавления которых власти стран прибегают к применению силы. В региональном измерении особое место занимает Перу, где в настоящее время присутствуют оба этих условия.

Таким образом, в данной статье представляется актуальным в рамках одного кейса рассмотреть вопрос о том, было ли причиной проблем в реализации инвестиционных проектов Китая в Перу то, что инвесторы были из Китая и им был свойственен особый *modus operandi*.

Для этого представляется необходимым рассмотреть и проанализировать деятельность в Перу трех китайских горнодобывающих компаний: «Shougang», «Chinalco» и MMG Ltd, чтобы понять, с проблемами какого рода конкретно они столкнулись при осуществлении своей деятельности, носили ли эти проблемы уникальный характер, и чем они были обусловлены.

Перу была первой страной в Латинской Америке, в которую пришли китайские горнодобытчики: в 1992 г. «Shougang» приобрела государственную компанию «Hierro Peru», разрабатывавшую железорудное месторождение в Марконе (провинция Ика). Деятельность «Shougang» привлекла к себе исследовательский интерес в связи с тем, что та была пионером китайского присутствия на перуанской территории, и на сегодняшний день деятельность этой компании в Перу является наиболее исследованной. Большинство исследователей концентрировалось на вопросах, которые являются наиболее дискуссионными: особенности модели ведения бизнеса и взаимоотношения с персоналом, местным населением и перуанскими властями, соблюдение компанией экологических норм и стандартов безопасности в отрасли. Так, некоторые полагают, что проблемы в работе, с которыми столкнулась «Shougang», происходят из-за трудностей к адаптации к местным условиям (в сравнении с западными инвесторами) и нежелании компании соблюдать экологические нормы [10]. Другие указывают, что в вопросах соблюдения стандартов экологической и производственной безопасности «Shougang» не сильно отличалась от других инвесторов, а причина ее проблем лежит в неэффективном управлении корпоративными ресурсами [5]. Существует и мнение, что проблема присутствует не столько в деятельности руководства компании, сколько в объективных экономических условиях конца 1990-х — начала 2000-х гг., которые и были реальной причиной проблем, а перуанский персонал настаивал на экономически невыполнимых требованиях [11–13]. Но все исследователи сходятся в том, что первый опыт китайского инвестирования в горнодобывающую отрасль Перу аккумулировал в себе все негативные ожидания принимающей стороны, а забастовки работников стали главными двигателями проблем.

Вероятнее всего, прямыми и главными причинами большинства указанных вызовов являлись как экономическое состояние компании и рынка сбыта ее продукции, так и сам приватизационный контракт [8]. Контрактом не устанав-

ливалась конкретная ответственность за срыв инвестиционных планов, а вопросы принадлежности земельной собственности не были детально проработаны. Эти недостатки привели к тому, что фактически в концессионном владении оказалось и городское хозяйство. По контракту о приватизации компания получила права на землю, на которой непосредственно не работала (земли муниципалитета), и перуанские власти не могли осуществлять развитие и благоустройство этих территорий без разрешения руководства компании. Этот вопрос был частично решен только в 2014 г., когда «Shougang» уступила 82 га земель для целей городского развития в Марконе¹ — фактически концерн «Shougang» владел и муниципалитетом.

«Shougang» также подвергалась критике за низкую социальную ответственность и невнимание к нуждам местного населения. Однако нельзя констатировать, что компания не сотрудничала с властями в социально значимых вопросах. В 2014 г. «Shougang Hierro Peru» присоединилась к Инициативе Прозрачности Добывающих Отраслей (EITI), в которой Перу участвовала с 2005 г., в этом же году об этом заявила и нефтедобывающая компания SAPET, принадлежащая «China National Petroleum Corporation». «Shougang» в этом вопросе была первой из горнодобывающих компаний, так как «Lumina Copper», принадлежащая китайским инвесторам, хоть и присоединилась к инициативе в 2012 г., но не начала добычу на своем объекте Галено в Кахамарке и не получает основную прибыль, поэтому ее участие можно считать чисто номинальным. «Shougang» была единственным из всех китайских инвесторов отрасли, участвовавшим в Программе Солидарности Горнодобывающих компаний и Населения (PMSP), которая была итогом сотрудничества представителей горнодобывающей промышленности и администрации президента А. Гарсии в 2006–2011 гг.² По условиям программы, компании в ней участвующие, перечисляли 3,75 % своей прибыли на социальные нужды. По итогам программы «Shougang» декларировала отчислений на различные проекты 33,7 млн новых солей (12 млн долл. США),

¹ Shougang Hierro Perú cederá 82.04 Hectáreas de Suconcesión Para fines Urbanos en Marcona // Gestión. 2014. Octubre 24. URL: <https://gestion.pe/peru/politica/shougang-hierro-peru-cedera-82-04-hectareas-concesion-fines-urbanos-marcona-78635-noticia/?ref=gesr>.

² Programa Minero de Solidaridad con el Pueblo — PMSP // Ministerio de Energía y Minas (MINEM). URL: http://www.minem.gob.pe/_area.php?idSector=3&idArea=212&idTitular=9506&idMenu=sub8176&idCateg=1795.

из них потрачено 13,5 млн (4,8 млн долл. США). Безусловно, это количество меньше, чем к примеру отчисления и подтвержденные затраты в рамках этой программы компании «Antamina» (775 и 630 млн новых солей), однако и прибыль этой компании была существенно выше³. Помимо этого, «Shougang» открыла свой социальный фонд, «Asociación Civil del Hierro», в рамках которого осуществляла социально-направленные проекты для развития образования, медицины и других сфер общественной жизни в провинции Ика, потратив в общей сложности 6,8 млн долл. США. Кроме этого, «Shougang» полностью обеспечивала функционирование коммунальных служб в Марконе, что тоже можно считать проявлением социальной ответственности. Деятельность первого китайского инвестора в перуанском горнодобывающем секторе действительно была окружена ореолом проблем и в сущности «Shougang» приняла на себя все негативные ожидания в отношении китайского бизнеса, возникавшие в перуанском обществе. Поэтому новые китайские инвесторы были вынуждены анализировать этот опыт, и учитывать его.

С началом активного инвестирования Китаем в глобальном масштабе, в Перу появились и другие инвесторы, причем их проекты имели масштабный характер — в 2007 г. «Chinalco» приобретает права на месторождение меди Торомочо, в 2014 MMG Ltd. покупает рудник Лас Бамбас у «Glencore Xstrata». Эти компании, приступая к непосредственной деятельности в Перу, строили свою работу и взаимодействие с местным населением уже исходя из негативного опыта «Shougang». Они проявляли в работе определенную гибкость, в том числе для поддержания образа социально-ответственного инвестора, однако и им не удалось избежать проблем.

В 2007 г., на фоне протестов в отношении деятельности «Shougang» в Марконе, китайская компания «Chinalco» поглотила канадскую фирму «Peru Copper Inc.», владевшую правами на разработку медного месторождения Торомочо в провинции Хунин. Для китайского алюминиевого гиганта эта сделка была шагом к тому, чтобы диверсифицировать свою деятельность и стать полиметаллической компанией. Официально дочерняя компания, «Minera Chinalco Perú S.A.» приступила к работе в 2008 г. В июне

³ PMSP INFORME N° 040 // Ministerio de Energía y Minas (MINEM). URL: <http://www.minem.gob.pe/minem/archivos/Informe%20N040%20PMSP%20al%20mes%20de%20diciembre%202011%20REVJR.pdf> дата обращения 10.05.2020.

2009 г. между компанией и правительством Перу был подписан инвестиционный контракт, в котором были прописаны конкретные обязательства. Компания обязалась инвестировать в течение восьми лет 2,1 млрд долл. США в разработку месторождения, в эту сумму входили расходы на выплаты рабочим, и другие необходимые траты — т.е. все, что необходимо было для разработки месторождения⁴. В результате принятых поправок к контракту, сумма инвестиций была снижена до 2,05 млрд долл. США⁵. Однако для повышения эффективности разработки месторождения, компания собиралась выполнить переселение городка Морокоча, который фактически находился прямо над запасами руды. Важным моментом является тот факт, что затраты на это в инвестиционный контракт включены не были — это была собственная инициатива компании, заинтересованной в приобретении положительного имиджа в Перу.

«Chinalco» поставила во главе нового предприятия знакомого с особенностями Перу руководителя. Первый генеральный директор компании, Дж. Волф, был ранее главой компании «Antamina», которая не испытывала особых проблем в работе с местным населением и обладала имиджем социально ответственного предприятия. Более того, была сохранена основная управленческая команда, состоящая в основном из перуанцев. В «Chinalco» учли опыт «Shougang» и с самого начала понимали, что для успешной реализации столь амбициозных планов и переселения целого городка необходимо работать в тесном контакте с местными жителями. Было выяснено, что население в целом не против переселения — к тому моменту, когда компания приобрела месторождение, г. Морокоча уже находился в крайне неблагоприятной экологической ситуации.

Компанией было проведено всестороннее исследование, изучающее возможное воздействие разработки месторождения на окружающую среду, в том числе включавшее в себя план по переселению города. Предполагалось, что жители будут переселены в новый город с полностью благоустроенным жильем и в благопри-

ятной экологической обстановке, в нем будут созданы рабочие места для жителей, парковые зоны и полностью подготовлена инфраструктура для сферы услуг и социальные объекты. Этот проект в компании воспринимался в первую очередь как возможность продемонстрировать высокую степень социальной ответственности предприятия, укрепить свой имидж, показать высокую степень готовности к диалогу и выработке совместного решения, которое устроит непосредственно жителей города. Необходимо отметить, что возможность расселения Морокочи рассматривалась и до приобретения месторождения китайским инвестором. В 2006 г. был проведен опрос населения, и было выяснено, что 61,1 % опрошенных довольны условиями жизни в г. Морокоча, 15,6 % не задумывались над этим, и 23,5 % не были довольны ситуацией. Вместе с тем, 87,6 % были согласны на переезд в другое место, а подавляющее большинство (91,8) заявило, что если бы они могли выбирать, то безусловно переселились бы⁶. Имея эти данные, руководство «Chinalco» определило три места, куда мог бы быть перенесен город — Пачачака, Асьенда Пукара и Льяnten Пампа — все они были расположены достаточно близко для того, чтобы рабочие могли быстро добираться из них до рудника.

На протяжении 2007–2009 гг. было проведено около 30 встреч и консультаций с жителями, на которых помимо обсуждения конкретного места постройки города, были также проведены презентации проектов новых домов и плана города. Для окончательного определения места строительства, был проведен новый опрос, в котором предлагалось выбрать из двух мест — Асьенда Пукара и Пачачака. Всего было опрошено 848 чел., и 69 % отдали предпочтение местечку Асьенда Пукара, 13 % были согласны на оба варианта, 12 % выбрали Пачачака. Отказались от переселения 2 % опрошенных, 4 % имели отличное от предложенных вариантов мнение. Новый город должен был получить название Каруахото. Компания предлагала дома в новом поселении всем официальным собственникам жилья в Морокоче, взяв на себя обязательства помощи в осуществлении переезда, обеспечению города коммунальными услугами, при необходимости произвести профессиональную пере-

⁴ Contrato de Inversión Celebrado con Minera Chinalco Perú S.A. // ProInversion. URL: https://www.investinperu.pe/RepositorioAPS/O/1/JER/CONTRATOS_INVERSION_2010/00027.pdf (дата обращения: 03.02.2016).

⁵ Adenda de modificación del Contrato de Inversión Celebrado con Minera Chinalco Perú S.A. // ProInversion. URL: https://www.investinperu.pe/RepositorioAPS/O/1/JER/CONTRATOS_INVERSION_2010/CI_0018_CONTRATO_MINERA_CHINALCO_ADENDA.pdf (дата обращения: 03.02.2019).

⁶ Minera Chinalco Perú S.A. Proyecto Toromocho Estudio de Impacto Ambiental Resumen Ejecutivo // Knight Piésold Consultores S.A. P. 74. URL: <http://www.chinalco.com.pe/sites/default/files/Resumen%20ejecutivo%20del%20estudio%20de%20impacto.pdf>.

подготовку жителей для обеспечения их работой, осуществлять охрану нового города до момента официального начала функционирования новой муниципальной единицы. Жителям предлагалась компенсация в размере 9 долл. США за квадратный метр жилья, фиксированная выплата от 69 до 129 долл. США в зависимости от материала, из которого было построено жилье, подлежащее сносу. Компенсация выплачивалась всем жителям, вне зависимости от того, переселятся они в итоге в Каруахото или нет. Для обеспечения прозрачности процесса переселения, предполагалось создать особую переговорную группу — круглый стол по вопросам переселения, в которую должны были быть включены представители всех заинтересованных сторон: компании, жителей и государства. Главной целью группы была выработка единого рамочного соглашения, которое бы позволило обеспечить соблюдение интересов населения. Однако процесс создания затянулся, и официальная резолюция Совета Министров Перу, утверждающая полный состав группы, была опубликована только в 2012 г.⁷ Главным техническим секретарем группы по предложению сторон был назначен Фред Гойтендия Матос, декан антропологического колледжа Центрального Перу, весьма уважаемый человек в провинции Хунино. Как и другие члены группы, он выполнял свои функции на общественных началах, работа в ней и участие в заседаниях никак и никак не оплачивались.

К 2012 г. строительство города было практически завершено, были подведены коммуникации, новые владельцы уже получили временные свидетельства о собственности, так как «Chinalco» продолжала вести переговоры о передаче города из собственности компании под управление государства. Рабочая группа столкнулась с первыми проблемами — так как процесс ее формирования затянулся, к тому моменту, как группа граждан во главе с мэром Морокочи М. Саломе стали возражать против места переселения, перехватив инициативу, город был уже фактически построен. Недовольные граждане стали заявлять, что фактически выбор места был осуществлен компанией в одностороннем порядке, а в 2006 г. (т.е. тогда,

когда китайская сторона еще вообще не являлась собственником объекта, и никаких документально подтвержденных опросов от ее имени не проводилось) жители желали переселения в Пачачака. Они утверждали, что климат в новом месте слишком влажный, компенсации за дома слишком малы, а компания подтасовала результаты голосования. Тем не менее большинство жителей согласилось переехать, а вопрос перешел в компетенцию федерального правительства. В конце 2013 г. правительство объявило чрезвычайное положение сроком на 60 дней, за которые жители Морокочи должны были окончательно переехать в новый город. Главным аргументом была дальнейшая непригодность местности для проживания⁸. Но полное переселение, на которое рассчитывала компания, так и не состоялось. Причиной этого были экономические и социальные разногласия, и фактическое невыполнение заявленных целей. С одной стороны, компанию обвиняли в том, что в почвах в районе нового города существует превышение норм содержания мышьяка и свинца, что делает проживание в этом районе вредным. С другой, наряду с «Chinalco» претензии предъявляются жителями к правительственным структурам Перу, которые, по их мнению, не сделали ничего, чтобы обеспечить экономическую активность в новом поселении и не предпринимают мер по снижению уровня бедности населения — в старом городе доход был выше почти вдвое и превышал средний заработок в провинции Хунино [9]. Жители заявляют, что ведение торговли в новом поселении практически невозможно ввиду отсутствия спроса. Жилая площадь предоставляемых при переселении домов не устраивает многие семьи. Ситуация усугубляется и тем фактом, что в 2018 г. правительство Перу экспроприировало 34 га спорной территории (на которой жили отказавшиеся переехать) и передало их «Chinalco». При этом в 2019 г. жители старого города подали иск против компании, требуя запретить дальнейшее разрушение городских построек, и в настоящее время ситуация не разрешена окончательно.

Таким образом, компания не избежала при осуществлении своей деятельности социальных проблем, хотя стремилась стать образцом в своей модели для других инвесторов. Но природа

⁷ Resolución Ministerial N° 131-2012-PCM Ratifican compromisos asumidos por el Poder Ejecutivo y al Grupo de Trabajo denominado "Mesa de Diálogo para el Proceso de Reasentamiento Poblacional de Morococha" // El Peruano. URL: <https://busquedas.elperuano.pe/normaslegales/ratifican-compromisos-asumidos-por-el-poder-ejecutivo-y-al-g-resolucion-ministerial-n-131-2012-pcm-794285-1/> (дата обращения: 05.04.2016).

⁸ Reporte De Peligro N° 038- 22/11/2013 // Instituto Nacional de Defensa Civil. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Reporte%20de%20peligro%20n%20038%20peligro%20de%20movimiento%20en%20masa%20en%20el%20distrito%20de%20Morococha%20Junin.pdf>.

этих трудностей была принципиально иной чем те, с которыми столкнулся «Shougang». Самой большой проблемой «Chinalco» стали не забастовки работников и не экономические трудности, а именно проект по переселению, который был и остается первым подобным управленческим решением на территории Перу.

В то же время, основным мотивом для протестов населения против горных разработок в Перу является загрязнение окружающей среды. Именно с этим столкнулась китайская компания «MMG Ltd.» (подразделение «China Minmetals Non-Ferrous Metals Co Ltd.») после того как в составе консорциума с другими китайскими предприятиями приобрела права на разработку медного месторождения Лас Бамбас в перуанской провинции Котабамбас в регионе Апуримак у швейцарской компании «Glencore Xstrata» в 2014 г. Сумма покупки составила 5,85 млрд долл. США — для перуанской горной промышленности это рекордная сумма сделки. «MMG Ltd.» по условиям контракта получила 62,5 % акций, «Guoxin International Investment Corp Ltd» — 22,5 % и CITIC «Metal Co. Ltd» — 15 %. Планировалось, что в первые пять лет объем добычи будет составлять 2 млн тонн рудного концентрата ежегодно [14]. Этот проект отличался от перуанских объектов «Chinalco» и «Shougang» тем, что находился на момент приобретения в так называемой стадии «greenfield» — оценки ресурсов, и предполагалось строительство рудника и его инфраструктуры с нуля [15]. В 2015 г. строительство было остановлено из-за протестов со стороны местного населения в связи с тем, что «MMG Ltd.» начала строить комплекс по переработке рудного концентрата вблизи месторождения, и возить добытый концентрат на переработку грузовиками, в том время как изначально в «Glencore Xstrata» планировали перерабатывать концентрат на побережье, и доставлять его туда по трубопроводу. Представители общин считали, что компания должна была перед принятием такого решения посоветоваться с ними [16], а протесты накалились до такой степени, что перуанское правительство ввело чрезвычайное положение сроком на 30 дней и направило в регион 1 500 полицейских и 150 военных для подавления беспорядков, в ходе которых три человека погибли⁹. 7 октября 2015 г. правительство Перу достигло соглашения с лидерами общин из регионов Апуримак и

Куско о прекращении их забастовки против проекта Лас Бамбас. Правительство согласилось отменить чрезвычайное положение, объявленное 28 сентября, и вывести полицейские силы из региона, как только закончится забастовка против предприятия. Министерство жилищного строительства обязалось обеспечить жильем и социальным обеспечением семьи протестующих, убитых в ходе протестов. При этом протестующие заявили, что они не возражают против добычи полезных ископаемых, их беспокоят только вопросы транспортировки концентрата и воздействие этого на окружающую среду. Более того, наличие такого инвестиционного проекта было важно для местного населения, так как это поднимало уровень жизни в регионе [17].

Тем не менее, обеспокоенность общин деятельностью рудника продолжается до сих пор. В 2019 г. перуанское Агентство по контролю и оценке воздействия на окружающую среду (OEFA) представило результаты трехмесячного исследования. Агентство указало, что воздействие, которое оказывают грузовики, перевозящие концентрат с рудника, систематически нарушает нормы загрязнения воздуха, грунта и воды, превышает допустимый шум. Компании было указано на необходимость установки в населенных пути грузовиков систем пылеподавления, распыления воды на полотно дороги для предотвращения чрезмерного пылеобразования. Участок дороги между населенными пунктами Велийе и Капакмарка был запрещен для использования в промежутке времени с шести вечера до пяти утра, и контроль за этим запретом осуществлялся с помощью GPS передатчиков, установленных на грузовиках. Благодаря этим мерам OEFA намеревалось проверять соблюдение допустимой скорости и веса перевозимого груза [18]. Протесты против перевозки руды возникали на всем протяжении пути до океанского побережья.

Таким образом, анализируя природу проблем, возникавших у китайских горнодобытчиков в Перу, сложно утверждать, что они носили уникальный характер и связаны с какими-либо особенностями китайской модели ведения бизнеса. У возникавших проблем не было единой, общей для всех трех фирм причины.

Компания «Shougang», являясь пионером китайских инвестиций в горнодобывающую отрасль Перу, столкнулась как с экономическими проблемами, не позволявшими ей выполнить изначальный план развития предприятия, так и с последствиями того, что приватизация в Перу проводилась в достаточно быстром темпе, в

⁹ Peru anti-mining protest sees deadly clashes // BBC. 2015. September 29. URL: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-34389803> (дата обращения: 13.05.2020).

силу чего многие важные для общества и власти вопросы оказались недостаточно проработаны. Однако в основных аспектах своей деятельности, «Shougang» ничем кардинально не отличалась от других иностранных добывающих компаний, работавших в Перу.

В «Chinalco» в свою очередь стремились учесть опыт «Shougang» и создать предприятию образ социально-ответственного бизнеса, действующего в интересах локального сообщества, при этом осуществив уникальную инфраструктурную инициативу по переселению города. Однако возникшие проблемы и протесты были скорее явлением «потребительского терроризма» со стороны меньшинства жителей, отказавшихся переехать. Они воспользовались тем обстоятельством, что перуанским правительством некоторые важные для обсуждения вопросов решения были приняты с опозданием, и к моменту полноценного (по мнению возражавших) обсуждения вопроса проект был уже реализован.

Протесты, с которыми столкнулась «MMG Ltd.» — вообще являются характерным для Перу

и Латинской Америки явлением, и их причина в рассмотренном случае лежит в том, что интересы этнических и локальных сообществ при разработке природных ресурсов часто игнорируются и учитываются государством не при обсуждении условий добычи полезных ископаемых, а уже после начала протестов и криминализации конфликтов. Эти протесты не были продиктованы тем, что «MMG Ltd.» является китайским предприятием. С подобным в Перу сталкивались, например, южноафриканская «Anglo American» на объекте Куеллавеко и американские «Southern Copper Corp.» на месторождении Тиа Мария и «Newmont» в Конге.

Таким образом, китайские компании при продвижении в Перу в период конца XX — начала XXI вв. стремились реализовать свои стратегические задачи, однако столкнулись с рядом разноплановых проблем. Несмотря на рассмотренные вызовы, общая схема взаимодействия функционирует, и предвзято было бы утверждать о существовании негативной модели «китайского продвижения» в Перу.

Список использованной литературы

1. Economy E. By All Means Necessary: How China's Resource Quest is Changing the World / E. Economy, M. Levi. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2015. — 279 p.
2. Kaplinsky R. Chinese FDI in Sub-Saharan Africa: Engaging with Large Dragons. / R. Kaplinsky, M. Morris. — DOI 10.1057/ejdr.2009.24 // The European Journal of Development Research. — 2009. — Vol. 21, no. 4. — P. 551–569.
3. Haglund D. In It for the Long Term? Governance and Learning among Chinese Investors in Zambia's Copper Sector / D. Haglund. — DOI 10.1017/S0305741009990130 // The China Quarterly. — 2009. — Vol. 199. — P. 627–646.
4. Gadzala A. From Formal- to Informal-Sector Employment: Examining the Chinese Presence in Zambia / A. Gadzala. — DOI 10.1080/03056241003637904 // Review of African Political Economy. — 2009. — Vol. 37, no. 123. — P. 41–59.
5. Irwin A. Chinese Mining in Latin America / A. Irwin, K.P. Gallagher. — DOI 10.1177/1070496513489983 // The Journal of Environment & Development. — 2013. — Vol. 22, no. 2. — P. 207–234.
6. Gonzalez-Vicente R. The Developmental Impact of China's Investment in South America's Extractive Industries : master of phil. thesis / R. Gonzalez-Vicente. — Hong Kong, 2009. — 228 p.
7. Gonzalez-Vicente R. Mapping Chinese Mining Investment in Latin America: Politics or Market? / R. Gonzalez-Vicente. — DOI 10.1017/S0305741011001470 // The China Quarterly. — 2012. — Vol. 209. — P. 35–58.
8. Горячев Н.Н. Shougang Hierro Peru — первый опыт инвестирования КНР в Латинскую Америку / Н.Н. Горячев. — DOI 10.26516/2222-9124.2021.35.52 // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. — 2021. — Т. 35. — С. 52–58.
9. Brant P. Chinese Aid in the South Pacific: Linked to Resources? / P. Brant. — DOI 10.1080/10357823.2013.767311 // Asian Studies Review. — 2013. — Vol. 3, no. 2. — P. 158–177.
10. Kotschwar B. Chinese Investment in Latin American Resources: The Good, the Bad, and the Ugly : Working Paper 12-3 / B. Kotschwar, T. Moran, Muir J.; Peterson Institute for International Economics. — 2012. — URL: <https://www.piie.com/publications/working-papers/chinese-investment-latin-american-resources-good-bad-and-ugly>.
11. Jie G. History and Changes of Shougang Hierro Peru / G. Jie // The Journal of International Politics. — 2015. — Vol. 36, no. 1. — P. 51–73.

12. Cárdenas G. Nueva Morococha: las Consecuencias del Reasentamiento / G. Cárdenas, K. de la Torre // Mongabay. — 2016. — 25 Julio. — URL: <https://es.mongabay.com/2016/07/nueva-morococha-las-consecuencias-del-reasentamiento/>.
13. Torrico G. Morococha: El Pueblo Despojado por la Gran Minera China / G. Torrico // OCMAL. — 2018. — 13 Diciembre. — URL: <https://www.ocmal.org/morococha-el-pueblo-despojado-por-la-gran-minera-china/>.
14. Singh S. MMG Agrees \$5.85bn deal to buy Las Bambas from Glencore Xstrata / S. Singh // Fastmarkets Metal Bulletin. — 2014. — 14 April. — URL: <https://www.metalbulletin.com/Article/3330331/MMG-agrees-585bn-deal-to-buy-Las-Bambas-from-Glencore-Xstrata.html>.
15. Wilson J. MMG Shareholders approve \$5.85bn purchase of Las Bambas Project / J. Wilson // Financial Times. — 2014. — 21 July. — URL: <https://www.ft.com/content/0ec8655c-10cb-11e4-812b-00144feabdc0>.
16. Dube R. Peru Declares Martial Law in Two Regions after Protests / R. Dube // The Wall Street Journal. — 2015. — 29 September. — URL: <http://www.wsj.com/articles/peru-declares-martial-law-in-two-regions-after-protests-1443544784?mg=id-wsj&mg=id-wsj>.
17. Post C. Peru's Government Reaches Deal with Las Bambas Protesters / C. Post // Peru Reports. — 2015. — 7 October. — URL: <http://perureports.com/2015/10/07/perus-government-reaches-deal-with-las-bambas-protesters/>.
18. Ruiz Leotaud V. Peru's Environmental Regulator Imposes New Controls on Las Bambas' Trucks / V. Ruiz Leotaud // Mining.com. — 2019. — 29 September. — URL: <https://www.mining.com/perus-environmental-regulator-imposes-new-controls-on-las-bambas-trucks/>.

References

1. Economy E., Levi M. *By All Means Necessary: How China's Resource Quest is Changing the World*. Oxford University Press, 2015. 279 p.
2. Kaplinsky R., Morris M. Chinese FDI in Sub-Saharan Africa: Engaging with Large Dragons. *The European Journal of Development Research*, 2009, vol. 21, no. 4, pp. 551–569. DOI: 10.1057/ejdr.2009.24.
3. Haglund D. In It for the Long Term? Governance and Learning among Chinese Investors in Zambia's Copper Sector. *The China Quarterly*, 2009, vol. 199, pp. 627–646. DOI: 10.1017/S0305741009990130.
4. Gadzala A. From Formal- to Informal-Sector Employment: Examining the Chinese Presence in Zambia. *Review of African Political Economy*, 2009, vol. 37, no. 123, pp. 41–59. DOI: 10.1080/03056241003637904.
5. Irwin A., Gallagher K.P. Chinese Mining in Latin America. *The Journal of Environment & Development*, 2013, vol. 22, no. 2, pp. 207–234. DOI: 10.1177/1070496513489983.
6. Gonzalez-Vicente R. *The Developmental Impact of China's Investment in South America's Extractive Industries*. Master of Phil. Thesis. Hong Kong, 2009. 228 p.
7. Gonzalez-Vicente R. Mapping Chinese Mining Investment in Latin America: Politics or Market? *The China Quarterly*, 2012, vol. 209, pp. 35–58. DOI: 10.1017/S0305741011001470.
8. Goryachev N.N. Shougang Hierro Peru — China's First Investment Experience in Latin America. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija = The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History*, 2021, vol. 35, pp. 52–58. DOI: 10.26516/2222-9124.2021.35.52.
9. Brant P. Chinese Aid in the South Pacific: Linked to Resources? *Asian Studies Review*, 2013, vol. 3, no. 2, pp. 158–177. DOI: 10.1080/10357823.2013.767311.
10. Kotschwar B., Moran T., Muir J. *Chinese Investment in Latin American Resources: The Good, the Bad, and the Ugly*. 2012. Available at: <https://www.piie.com/publications/working-papers/chinese-investment-latin-american-resources-good-bad-and-ugly>.
11. Jie G. History and Changes of Shougang Hierro Peru. *The Journal of International Politics*, 2015, vol. 36, no. 1, pp. 51–73.
12. Cárdenas G., de la Torre K. Nueva Morococha: las Consecuencias del Reasentamiento. *Mongabay*, 2016, Julio 25. Available at: <https://es.mongabay.com/2016/07/nueva-morococha-las-consecuencias-del-reasentamiento/>.
13. Torrico G. Morococha: El Pueblo Despojado por la Gran Minera China. *OCMAL*, 2018, Diciembre 13. Available at: <https://www.ocmal.org/morococha-el-pueblo-despojado-por-la-gran-minera-china/>.
14. Singh S. MMG Agrees \$5.85bn deal to buy Las Bambas from Glencore Xstrata. *Fastmarkets Metal Bulletin*, 2014, April 14. Available at: <https://www.metalbulletin.com/Article/3330331/MMG-agrees-585bn-deal-to-buy-Las-Bambas-from-Glencore-Xstrata.html>.
15. Wilson J. MMG Shareholders Approve \$5.85bn Purchase of Las Bambas Project. *Financial Times*, 2014, July 21. Available at: <https://www.ft.com/content/0ec8655c-10cb-11e4-812b-00144feabdc0>.
16. Dube R. Peru Declares Martial Law in Two Regions after Protests. *The Wall Street Journal*, 2015, September 29. Available at: <http://www.wsj.com/articles/peru-declares-martial-law-in-two-regions-after-protests-1443544784?mg=id-wsj&mg=id-wsj>.

17. Post C. Peru's Government Reaches Deal with Las Bambas Protesters. *Peru Reports*, 2015, October 7. Available at: <http://perureports.com/2015/10/07/perus-government-reaches-deal-with-las-bambas-protesters/>.

18. Ruiz Leotaud V. Peru's Environmental Regulator Imposes New Controls on Las Bambas' Trucks. *Mining.com*, 2019, September 29. Available at: <https://www.mining.com/perus-environmental-regulator-imposes-new-controls-on-las-bambas-trucks/>.

Информация об авторе

Горячев Николай Николаевич — младший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук, e-mail: goryachev@ihaefe.ru.

作者信息

Nikolay N. Goryachev — 初级科学工作者, 远东人民历史, 考古和民族志研究所, 俄罗斯科学院远东分院, 符拉迪沃斯托克, 俄罗斯联邦, 邮箱: goryachev@ihaefe.ru.

Author

Nikolay N. Goryachev — Junior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation, e-mail: goryachev@ihaefe.ru.

Для цитирования

Горячев Н.Н. Китайские горнодобывающие компании в Перу: существует ли единая причина проблем? / Н.Н. Горячев. — DOI 10.17150/2587-7445.2021.5(3).141-150 // Российско-китайские исследования. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 141–150.

For Citation

Goryachev N.N. Chinese Mining Companies in Peru: Is There a Single Cause of Problems? *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 141–150. (In Russian). DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).141-150.

УДК 327

DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).151-159

Российско-китайское партнерство образца 2021 года: глобальные, региональные и двусторонние измерения

С.Г. Лузянин

Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Дата поступления:

01.09.2021

Дата принятия к печати:

29.11.2021

Дата онлайн-размещения:

29.12.2021

2021年模式的俄中伙伴关系：全球性的、地区性的、双边的等层次

S.G. Luzyanin

俄罗斯国立研究大学高等经济学;
院莫斯科国立国际关系学院俄联邦
外交部直属大学
莫斯科, 俄罗斯联邦

结稿日期：2021年09月1日

出版日期：2021年11月29日

网上出版日期：2021年12月29日

Аннотация. В статье рассматриваются глобальные, региональные и двусторонние аспекты современного российско-китайского стратегического партнерства, включая сильные стороны и существующие недостатки. Анализируются возможности Договора «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», которому в этом году исполнилось 20 лет, а также российско-китайские измерения в Большой Евразии, сложности и проблемы процессов сопряжения и Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС). Освещены положительные и сдерживающие факторы дальнейшего развития Организации. Рассмотрена проблематика российско-китайской кооперации на сибирско-дальневосточном направлении, освещены отдельные сложности инвестиционных и инфраструктурных проектов. Отмечается, что китайское видение российских дальневосточных регионов не всегда совпадает с российским. Важно, опираясь на политическую волю и взаимное доверие, откровенно и объективно обсуждать все чувствительные «моменты» и противоречия.

Ключевые слова. Россия и Китай, стратегическое партнерство, договор, Большая Евразия, ШОС, Дальний Восток, трансграничное сотрудничество.

摘要：本文主要研究现代俄中伙伴关系的全球性的、地区性的、双边的等层次，包括其长处与存在的短处。对今年20年签署周岁的“睦邻友好合作条约”的潜力进行分析，以及对俄中关系在“大欧亚”战略、在结合过程中所遇到的难题和上海合作组织现存的难题进行分析。本文阐明上海合作组织进一步的发展的积极因素和阻碍的因素的问题，探究俄中合作在西伯利亚远东方向的问题，以及投资方案和基础设施项目的问题。作者指出中俄双方在俄罗斯远东地区的远景方面有所不同，需要依靠政治意愿和互相信任，坦率地、客观地来谈论敏感的问题和矛盾。

关键词：俄罗斯与中国，战略伙伴关系，条约，“大欧亚”战略，上海合作组织，远东，跨界合作。

Russia-China Partnership 2021: Global, Regional and Bilateral Dimensions

S.G. Luzyanin

National Research University
“Higher School of Economics”;
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Received: 2021 September 1

Accepted: 2021 November 29

Available online: 2021 December 29

Abstract. The article is dedicated to the global, regional and bilateral aspects of the current Russian-Chinese strategic partnership, including its strengths and existing weaknesses. The author analyses potentialities of the Treaty on Good Neighborliness and Friendly Cooperation between the People’s Republic of China and the Russian Federation, which celebrated its 20th anniversary this year, as well as the Russian-Chinese dimensions in Greater Eurasia, including the complexities and problems of the conjugation processes and the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The author describes positive and constraining factors for the further development of the Organization. The article describes the problems of Russia-China cooperation with regard to Siberia and the Far East, including some difficulties of investment and infrastructure projects. It is being noted that the Chinese vision of the Russian Far Eastern regions does not always coincide with the Russian one. It is important, relying on political will and mutual trust, to frankly and objectively discuss all sensitive issues and contradictions.

Keywords. Russia and China, strategic partnership, treaty, Greater Eurasia, the Shanghai Cooperation Organization, SCO, the Far East, cross-border cooperation.

Введение. Основой российско-китайского сотрудничества является прочное и глубокое стратегическое партнерство, которое в настоящее время переживает серьезную трансформацию в плане его углубления и выхода на новый более высокий качественный уровень. Причины подобной эволюции связаны как с внутренними экономическими и культурно-цивилизационными факторами сближения наших государств и народов, так и с внешними причинами, необходимостью развития многополярности, сохранением глобальной и региональной безопасности, отстаиванием своего суверенитета, территориальной целостности и права на невмешательство во внутренние дела. В статье предпринята попытка проанализировать российско-китайский тип партнерских отношений образца 2021 г., возможности и трудности их дальнейшего развития, рассмотреть евразийское измерение в формате складывающегося сопряжения, ключевые аспекты Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), а также отдельные сибирско-дальневосточные сюжеты в контексте общего поворота России на Восток.

Двадцатилетие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Классическое партнерство или «полусоюзнические» отношения?

Базовые принципы российско-китайского стратегического партнерства были зафиксиро-

рованы в «Большом договоре» России и Китая 16 июля 2001 г., позволившем сформировать долговременный баланс интересов и сохранить свободу в отношениях с третьими государствами. 16 июля 2021 г. исполнилось 20 лет с момента его подписания. Очевидно, что продление договора позволит не только подтвердить, проверенные временем принципы и приоритеты, но и расширить сферы двустороннего, регионального и глобального сотрудничества России и Китая, более эффективно адаптировать российско-китайским тандем к новым вызовам и угрозам.

Внешние вызовы и угрозы объективно работают на дальнейшее сближение двух стран, включая возможность создания военного союза. Выступая 22 октября 2020 г. на XVII ежегодном заседании дискуссионного клуба Валдай президент РФ В.В. Путин характеризуя возможность создания такого союза, сказал, что стороны «...всегда исходили из того, что наши отношения достигли такой степени взаимодействия и доверия, что мы в этом не нуждаемся, но теоретически вполне можно себе такое представить»¹.

Очевидно, что в правящих элитах России и Китая существует «запасной» вариант военно-политического сближения на случай форс-ма-

¹ Заседание дискуссионного клуба Валдай. Выступление В.В.Путина. 22 октября 2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64261>

жорных обстоятельств, предполагающий подобную формализацию отношений. При этом, эксперты двух стран согласны в том, что с учетом возросших угроз необходима редакция ряда статей договора 2001 г. в плане их расширения и конкретизации. В частности, речь идет о ст. 9, в которой предусматриваются «...консультации в целях устранения возникшей угрозы» для одной и или двум договаривающимся сторонам². Видимо, необходима модернизация и уточнение ключевых понятий и терминов, их расширительное толкование.

Современная эпоха диктует новые формы двусторонней военно-политической кооперации. Учитывая высокий уровень взаимного доверия и военно-технического сотрудничества, между Россией и Китаем такой неформализованный союз уже состоялся и создание официального военного союза, может быть только в случае реальной военной агрессии со стороны США или их союзников против одной или одновременно двух держав.

За двадцать лет действия договора он выполнил свою задачу и его продление является необходимым для сохранения и углубления достигнутых двумя государствами больших результатов.

Россия и Китай давно вышли за рамки двусторонних форматов и являются государствами, формирующими повестку обновления «неамериканского мира». С китайской стороны новое качество двустороннего партнерства выразилось в изменении его классических постулатов. Если до 2021 г. Китай официально придерживался трех принципов, оформленных как «три нет»: 1) не вступать в союз, 2) не создавать конфронтацию, 3) не ориентироваться на третьи страны в ущерб каждой из двух. В настоящее время в КНР официально фигурирует новая версия: 1) стратегическому партнерству нет конца, 2) нет запретных тем, 3) нет высшей ограничительной планки [1]. Смысл последнего «нет» чисто теоретически открывает варианты реформативного договора «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» 2001 г. в союзнический.

В основе кооперации двух государств по глобальной повестке лежит совпадение коренных национальных интересов России и Китая в сфере глобальной безопасности, общего видения мироустройства, роли ведущих институтов глобального управления (СБ ООН), учета новых мировых тенденций, связанных с гибким и многовариантным поиском Россией и Китаем опти-

мальных форматов в открывающемся спектре между старой «классической биполярностью» и формирующейся новой многополярностью. Оба государства применяют разные инструменты, — от координации голосований в ООН по проектам резолюций, постановлений, деятельности миротворческих миссий, до совместных инвестиционных, торгово-экономических, энергетических и иных проектов в странах, регионах и международных структурах.

Двусторонние российско-китайские отношения базируются на поддержании высокого уровня интенсивности и многообразия политических, экономических и гуманитарных контактов друг с другом; позиционировании на мировой арене в качестве самодостаточных и влиятельных центров силы; быстрой адаптации партнерства под решение практически любой глобальной или региональной задачи. Это означает, что российско-китайская модель образца — 2021, несмотря на отрицательное влияние пандемии коронавируса, сохраняет гибкость, способность сочетать тактические и стратегические выгоды и возможности партнерства.

Географические рамки международного регионального взаимодействия охватывают как отдельные страны Латинской Америки, Африки, Ближнего и Среднего Востока, так и регионы Центральной, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, включая арктическую зону. Специфика кооперации в евразийской зоне связана с более полным и системным взаимодействием, в то время как в более отдаленных континентах сотрудничество носит выборочный, точечный характер.

Проблемой для России в области двусторонних торгово-экономических отношений является характер торговли. Россия, начиная с начала 2000-х годов пыталась изменить структуру сырьевой торговли, увеличить сектор совместных производств, привлечь китайские инвестиции в сферы высоких технологий. Китай же рассматривал российские территории в основном как источник энергетических и сырьевых ресурсов.

В китайской экспертной лексике появилось выражение: «Горячо вверху, но холодно внизу», что означает несоответствие объемов и качества двусторонних экономических отношений высокому политическому формату российско-китайского стратегического партнерства. Эта модель в основном сохраняется в настоящее время, что является одним из препятствий для дальнейшего сбалансированного и гармоничного развития. Перед обеими сторонами

² Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Российская газета. 2001. 17 июля.

стоит сложная и долговременная задача постепенного преобразования этой асимметричной структуры, которую можно решать, в том числе, на торгово-инвестиционных и инфраструктурных треках, включая кооперацию в сфере инновационных высоких технологий. Важным средством выравнивания остается большой политический ресурс обеих сторон. «Горячий верх» может и должен подтягивать «холодный низ».

О российско-китайском сопряжении в Большой Евразии. Где торможение?

Очевидно, что между политической частью сопряжения, сформулированной российским президентом В.В.Путиным и китайским председателем Си Цзиньпином 8 мая 2015 г. в совместном заявлении о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути и его экспертным и экономико-технологическим наполнением сохраняется значительная дистанция. В 2017–2018 гг. был подписан ряд соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем. Частично разрыв начал сокращаться, однако проблема наполнения практической повестки сопряжения конкретными проектами осталась. Несмотря на высокий уровень стратегического партнерства и взаимного доверия между Россией и Китаем, процесс тормозился рядом объективных препятствий и нестыковок.

Основная причина кроется, на наш взгляд, в нарастании общей экономико-технологической асимметрии российского и китайского потенциалов, которая в свою очередь порождает определенное торможение процесса сопряжения. Среди российских экспертов сразу после выдвижения китайским руководителем в 2013 г. в Астане инициативы Экономического Пояса Шелкового Пути, сложились различные мнения относительно перспектив развития китайской инициативы, возможностей и эффекта российского участия, включая позитивные и негативные результаты. Одновременно, в среде отдельных китайских ученых циркулировали мнения о том, что ЕАЭС не достаточно эффективная Организация для реализации китайской инициативы, что лучше вести дело исключительно на двусторонних центрально-азиатских треках, продвигая транспортные и иные проекты [2].

С другой стороны, формируется и позитивная часть российско-китайской базы сопряжения, обусловленная возможностью эффективного использования экономико-инвестиционных ресурсов Китая, сформировавшейся в последние два-три года гибкой позицией и пониманием Пе-

кином чувствительных для Москвы вопросов, которая не наблюдалась в китайском руководстве еще в 2013–2017 гг., сразу после официального запуска проекта Пояса и Пути. Возможно, подобная эволюция была вызвана ужесточением китайско-американских отношений и необходимостью для Китая активнее идти на уступки и компромиссы с Россией, возможно и другими причинами. В любом случае на текущий период мы имеем небольшой набор возможностей, подкрепленных реальными активами.

Проблемная часть сопряжения в основном концентрируется вокруг односторонней направленности китайских транспортных коридоров, идущих в основном через Центральную Азию, минуя российскую территорию (до Урала), концентрации Китая на двусторонних договорах и контрактах с экономически слабыми центрально-азиатскими партнерами (Киргизией и Таджикистаном), незначительном количестве высокотехнологических и инвестиционных российско-китайских проектов в рамках сопряжения.

Российско-китайские аспекты ШОС. Что способствует, а что препятствует развитию Организации?

ШОС-овский компонент Евразии с учетом расширения состава Организации, усиления российско-американской и китайско-американской конфронтации, обрушившейся пандемии и других факторов находится в стадии постоянного развития. На евразийском треке ШОС многое будет зависеть от состояния российско-китайского партнерства. Очевидно, что отдельные (экономические, гуманитарные) программы ШОС вполне способны дополнять или кооперироваться с программами китайского Пояса и Пути. Учитывая, что Россия и Китай — неофициальное ядро, основа Организации, какая-то часть повестки сопряжения вполне может быть реализована, как в рамках ШОС, так и в рамках двустороннего российско-китайского взаимодействия.

15 июня 2021 г. исполнилось 20 лет со дня образования Организации. Очевидно, что за этот период она, пройдя путь становления, приобрела опыт, добилась существенных результатов, но и столкнулась с рядом вызовов, проблем и препятствий. Можно выделить пять плюсов и четыре минуса в развитии ШОС в настоящее время.

Первый позитивный вклад — борьба ШОС с трансграничной преступностью, наркотрафиком, религиозным сепаратизмом и экстремиз-

мом (в китайской терминологии — «три зла») в регионе Центральной Азии и на сопредельных территориях. В условиях выхода США из Афганистана и усиления контроля со стороны талибов над всей территорией страны, их выходом к северным границам с Узбекистаном и Таджикистаном, это направление становится особенно актуальным для национальной безопасности наших стран.

Организация еще на этапе существования «Шанхайской пятерки» (РФ, КНР, Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан) в 1996–2001 гг. начала процесса институализации и укрепления мер доверия в районах общих границ с Китаем. После 2001 г. он перерос в полномасштабное противодействие экстремизму всех мастей, идущему как с соседнего Афганистана, так и с Ближнего Востока, особенно после обострения ситуации в Сирии. В рамках ШОС создана Региональная Антитеррористическая Структура (РАТС) с оперативными подразделениями, регулярно проводятся совместные коллективные и двусторонние (российско-китайские) военные учения и др.

Второй позитивный фактор — базовая идея Организации (Хартия и Устав ШОС), по которой, ШОС, не являясь военно-политическим союзом/ блоком, вбирает отдельные элементы как союзнических отношений, так и открытых организаций, совещаний, что позволяет ей избегать жестких взаимных обязательств в отношениях с третьими странами, сохраняя гибкий и мобильный статус. На равенство малых и больших членов Организации работает и заложенный «отцами — основателями» принцип обязательного консенсуса при принятии решений, который автоматически снимает отдельные опасения слабых государств относительно сильных — России и Китая.

Третий аспект этого конструктивного ряда — торгово-экономическое сотрудничество. Создан Деловой Совет и Межбанковское объединение (МБО), координирующие кооперацию крупного государственного и частного бизнеса государств. Активно продвигается подготовка новой стратегии объединения о финансировании и внедрении «зеленых» технологий в экономику стран ШОС. Подписание новой стратегии планируется осенью 2021 г. в рамках заседания межбанковского объединения с участием глав ведущих банков. Реализуется финансирование приоритетных проектов по преодолению последствий пандемии коронавируса COVID-19, важное значение уделяется увеличению объе-

мов торговли в национальных валютах. Активно используются гигантские инвестиционные, торговые и транспортные возможности Китая, который продвигает через регион Центральной Азии свою мега-инициативу «Один Пояс и Один Путь».

Четвертый положительный фактор — гуманитарное сотрудничество в плане сближения культур и цивилизаций шанхайского сообщества, развития кооперации в области образования и науки. Создан и успешно развивается сетевой Университет ШОС, сотни совместных научных проектов в естественных, технических, информационно-цифровых, медико-биологических и гуманитарных сферах.

И пятый конструктивный фактор — сформировавшаяся вертикальная ось ШОС. Верхний уровень — «постоянные члены» (КНР, РФ, Индия, Пакистан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан), средний — «наблюдатели» (Иран, Монголия, Афганистан, Белоруссия) и нижний уровень — «партнеры по диалогу» (Турция, Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Шри Ланка). Сложившаяся структура позволяет позиционировать Организацию одновременно, и как региональную (центрально-азиатскую), и как евразийскую, и как глобальную структуру, официально зарегистрированную в ООН. Каждый этаж отражает определенный уровень полномочий и представительства, все вместе они, фактически, представляют сложный и многообразный мир и стремление к многополярности. Переход в 2017 г. государств-наблюдателей Индии и Пакистана в «высшую лигу» постоянных членов усилил евразийскую и глобальную составляющую ШОС, имеющую в своем составе 4 ядерных державы и ведущие мировые экономики. Переход Монголии и Ирана в группу постоянных членов также теоретически усилил бы ресурсы ШОС.

Вместе с тем, Организация сталкивается с рядом препятствий и проблем. Выделим пока четыре.

Первый, — китайско-индийские противоречия, которые объективно консервируют ряд важных проектов и инициатив, в которых участвует Китай. Известна сдержанная позиция Нью Дели к инициативе Пекина «Один Пояс и Один Путь», что также не способствует укреплению кооперации в сфере реализации инфраструктурных проектов Организации.

Второй, — проблема отставания многостороннего экономического сотрудничества от дорожки безопасности, которая развивается более эффективно. Причины экономического

торможения обусловлены как объективными факторами — разностью экономических потенциалов Китая и государств Центральной Азии, так и наличием определенных субъективных и административных препятствий. С этими причинами отчасти связано отсутствие Банка Развития и Фонда Развития (специальный счет) ШОС.

Третий, — концептуальный вызов ШОС. На наш взгляд, наблюдается некоторая консервация структуры, отсутствие новых, прорывных идей ее дальнейшего развития. Очевидно, что в 2001 г., когда она создавалась была одна эпоха. К 2021 г. сложилось новое, радикально отличающееся от того время. За 20 лет изменилось все — характер международных отношений («холодная война», 2.0), экономика, включая роль цифровых, он-лайн технологий, пандемические вызовы и пр. На какую-то часть реалий ШОС организационно и идеологически реагирует, но многие вопросы пока остаются без ответа, их разработка — это задача экспертной дорожки ШОС. По всем ключевым трекам (безопасность, экономическое и гуманитарное сотрудничество) нужны новые подходы и обновленное видение.

Четвертый сдерживающий фактор, — отсутствие зоны свободной торговли (ЗСТ) ШОС, на которой настаивает Китай. Очевидно, что в этой проблеме есть две альтернативных составляющих. С одной стороны, формирование интеграционного пространства ШОС может деформировать слабые центрально-азиатские национальные модели, усилить общую экономическую асимметрию в сторону КНР. К тому же аналогичная задача — интеграция части постсоветского пространства, стоит и перед Евразийским Экономическим Союзом (ЕАЭС), куда, как известно, не входит Китай.

С другой стороны, игнорировать этот проект нельзя, поскольку интеграционные (региональные) процессы — это необходимый фактор развития и кооперации, который уже давно апробируют другие региональные структуры. В настоящее время экономически (в плане стоимости рабочей силы, структуры производства и пр.) Китай иной и создание ЗСТ в рамках ШОС может принести не только вызовы, но и возможности.

Очевидно, что список позитивного и проблемного ряда Организации можно продолжить. Хорошо, что аргументы и возможности «за» пока перевешивают существующие препятствия. 20-летие ШОС — это не только юбилей, но и начало нового этапа, поиск новых идей и новых подходов.

Российский поворот на Восток. Сибирско-дальневосточное измерение российско-китайского партнерства

В первом десятилетии 2000-х гг. в РФ и КНР активно разрабатывалась евразийская тематика, включая обсуждение идеи «Поворота России на Восток» и вариантов повестки взаимодействия Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с Китаем. Для Сибири и Дальнего Востока это означало, что в рамках «поворота» и «сопряжения» этот регион для российского федерального центра и крупного бизнеса не только становится расширенным «окном» в Китай и другие страны Азиатско-тихоокеанского региона (АТР), но и приоритетным местом приложения инвестиционных, транспортных, социальных и гуманитарно-образовательных усилий и ресурсов.

Долгое время жителями Сибири и Дальнего Востока «поворот» воспринимался достаточно формально, как очередная кампания центра, заинтересованного в реализации углеводородных мега проектов, направленных в Китай, идущих «поверх», а не «вглубь» их дальневосточных территорий. Сохранялось ощущение оторванности от европейской России. Идея В.В. Путина, озвученная на заседании правительства 23 декабря 2020 г. о необходимости «инфраструктурно сшивать огромную территорию» Дальнего Востока и центральных районов России через реализацию местных региональных проектов³, фактически, положили начало переосмыслению «поворота» через расширение внутренних транспортных и других жизненно необходимых для людей возможностей. С определенными трудностями, но постепенно происходит социально-экономическое смещение центра на Восток России, что и является, на наш взгляд, одним из ключевых внутрисоссийских проявлений «восточного поворота».

Для Китая «сопряжение» и «поворот» ассоциируются с дополнительными возможностями не только освоения Евразии, но и создания новых транспортных и инвестиционных «стыковок» по всей линии совместной границы, включая ее дальневосточный участок.

В Китае при разработке вопросов трансформации и диверсификации российско-китайских региональных связей, в особенности курса на отход от традиционной привязки к импорту российского круглого леса, китайские компа-

³ Путин заявил, что необходимо "инфраструктурно сшивать" огромную территорию России. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10335109/amp>.

нии сталкиваются с серьезным внутренним противодействием отдельных бизнес-групп, заинтересованных в сохранении старых схем и моделей. Очевидно, что такое обновление и эволюция трансрегионального бизнеса чрезвычайно болезненна для части китайских предпринимателей Северо-Восточного Китая, особенно провинций Цзилинь и Хэйлуцзян, в которых десятилетиями складывалась деревообрабатывающая и бумажно-целлюлозная промышленность, работающая исключительно на российском сырье.

Пандемические реалии и введение ряда ограничений на экспорт российского необработанного леса, явно очищают Сибирь и Дальний Восток от теневого, полукриминального российско-китайского сегмента, особенно в таких сферах, как лесозаготовки, экспорт лесных богатств, минеральных ресурсов и сельского хозяйства. Выяснилось, что пандемия заставила дальневосточные регионы в отдельных секторах обходиться без китайских капиталов и ее рабочей силы, поскольку многое нашлось и без Китая в самой России. Это новая реальность, к которой приходится приспосабливаться и российским, и китайским предпринимателям.

Пандемия объективно усилила стремление обоих государств к развитию он-лайн кооперации. Налицо успешные инициативы местных администраций с обоих берегов Амура о совмещении административных и современных, дистанционных методов при реализации трансграничных проектов. Так, в августе 2019 г. Китай создал в Харбине Хэйлуцзянскую пилотную зону свободной торговли, основной целью которой является формирование центра регионального сотрудничества с Россией и Северо-Восточной Азией. Активно развивается ЗСТ г. Хэйхэ, приграничного с Амурской областью, специализирующаяся на развитии трансграничной он-лайн торговли и др.⁴

В до пандемический период в отношении российского Дальнего Востока наблюдалась невысокая инвестиционная активность. Накопленный объем прямых инвестиций с 2014 по 2019 гг. из КНР вырос в регионе в 2,5 раза (с \$247 до \$619 млн), доля КНР в общем объеме ПИИ в ДВФО составляла менее 1 %, а в созданных территориях опережающего развития и свободном порту Владивосток по факту реализовы-

валось в 2019–2020 гг. 45 проектов, в которые китайский бизнес вложил менее \$300 млн [3].

Китайские эксперты изучили препятствия для китайских вложений в сибирско-дальневосточные субъекты. По их мнению, существуют четыре группы рисков: 1) противоречивая законодательная база и судебная система; 2) высокие налоги и необоснованные сборы; 3) неэффективное государственное управление, громоздкие процедуры и длительные циклы оформления проектов; 4) слабо развитая инфраструктура на Дальнем Востоке⁵.

Большая часть указанных препятствий постепенно демонтируются в плане упрощения оформления и сокращения сроков сделок, развития транспортной инфраструктуры. Однако, отдельные китайские претензии справедливы, — в российских восточных регионах, к сожалению, сохраняется недостаточно развитая инфраструктурная сеть с низким качеством дорог. Существуют нестыковки по логистике, проблемы коррупции и др. В Китае в настоящее время происходит определенная «раскрутка» существующих в российском налоговом законодательстве новых льгот для инвестиционных проектов на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе. Например, статей налогового законодательства, по которым иностранные инвесторы, вложившие на Дальнем Востоке более 50 млн р. в течение трех лет или более 500 млн р. в течение пяти лет, получают льготы по налогу на прибыль и другие преференции [4].

Китайское видение Сибири и Дальнего Востока, способы и формы его освоения не всегда совпадает с российским. Принципиально важно, опираясь на политическую волю и взаимное доверие, откровенно и честно разбирать все несопадающие, чувствительные «точки» и противоречия, существующие, как на уровне совместной кооперации, так и в сфере китайской бизнес-политики в сибирско-дальневосточных регионах.

Главными «окнами» России в Китай являются китайские провинции Хэйлуцзян, Цзилинь и Автономный район Внутренней Монголии (АРВМ), уровень кооперации с которыми после открытия переходов через Амур явно повысится. Завершено строительство автомобильного «Хэйхэ — Благовещенск» и железнодорожного «Нижнеленинское — Тунцзян» переходов через Амур, которые в ближайшее время будут сданы

⁴ Зона свободной торговли Хэйхэ развивает международную он-лайн торговлю. URL: <https://www.chinalogist.ru/news/zona-svobodnoy-torgovli-heyhe-razvivaet-mezhdunarodnuyu-onlayn-torgovlyu-20254>.

⁵ 中国企业在俄罗斯远东地区的投资与风险 [Инвестиции и риски китайских компаний на Дальнем Востоке] <https://www.investgo.cn/article/yw/tzyj/202007/497176.html>.

в эксплуатацию. Задачи местных властей с обеих сторон постоянно диверсифицировать эту операцию, находить качественно новые опции и направления, включая оживление торговых и логистических направлений, работу Территорий Опережающего Развития (ТОР), Свободный Порт Владивосток (СПВ), новых межрегиональных проектов.

Заключение

Россия и Китай давно вышли за рамки узких, двусторонних форматов и являются государствами, формирующими как глобальную, так и региональную повестку многополярного мира [5]. Оба государства — активные защитники сохранения международного права и институтов глобального управления, включая ООН и его Совет Безопасности. США явно настроены на демонтаж международно-правовой системы и замену ее некими искусственными «правилами поведения» государств, подстраиваемые под интересы «коллективного Запада» в ущерб России и Китаю.

За 20 лет действия Договора «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» стороны сумели выстроить эффективную совместную защиту общих интересов и отстоять многосторонность как ключевой подход к разрешению международных проблем. Одновременно, стороны создали многоуровневый механизм стратегического партнерства, включая высокий государственный, а также уровни межправительственных отраслевых комиссий и уровень представителей общественных организаций, обществ дружбы и др. В создании военно-политического союза в настоящее время нет необходимости.

Важным остается и влияние встреч российского и китайского руководителей в плане ускорения решения международных региональных вопросов. Так, результатом переговоров на высшем уровне в свое время стало развитие евразийского трека российско-китайского сотрудничества. Стороны заявляют о желании совместно развивать и осваивать большое евразийское пространство, совмещая проекты Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС) и китайской инициативы Пояса и Пути.

В этом же ряду особое значение имеет координация в рамках встреч на высшем уровне российского и китайского руководителей наиболее острых вопросов Сирии, Афганистана, особенно в связи с выводом американских войск, Корейского полуострова, ядерной программы Ирана и др. Особое внимание руководителями РФ и КНР традиционно уделяется развитию Шанхайской Организации Сотрудничества, которой в этом году исполнилось 20 лет со дня ее образования и структуре БРИКС.

Двусторонние российско-китайские отношения базируются на поддержании высокой интенсивности и многообразия политических, экономических и гуманитарных контактов друг с другом; позиционировании на мировой арене в качестве самодостаточных и влиятельных центров силы; быстрой адаптации партнерства под решение практически любой глобальной или региональной задачи. Российско-китайская модель сотрудничества образца 2021 г., несмотря на отрицательное влияние пандемии коронавируса, сохраняет гибкость, способна сочетать тактические и стратегические выгоды и возможности партнерства.

Список использованной литературы

1. 王毅. 中俄战略合作没有止境·没有禁区·没有上限. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1844069.shtml> [Ван И. Китайско-российское стратегическое сотрудничество не заканчивается, нет запретной зоны, нет потолка / И. Ван. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1844069.shtml>].
2. Лузянин С.Г. Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект «Шелкового Пути и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии»: итоговый экспертно-аналитический доклад по проекту РФФИ № 16-07-000241 / С.Г. Лузянин. — URL: https://www.ifes-ras.ru/images/stories/2018/report_2018_luzyanin_s_g.pdf.
3. Ларин В.Л. «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа / В.Л. Ларин. — DOI 10.24411/2221-3279-2020-10015 // Сравнительная политика. — 2020. — Т. 11, № 2. — С. 9–27.
4. 李勇慧, 倪月菊. 俄罗斯远东超前发展区和自由港研究 // 欧亚经济 / 2019 年第 5 期. [Ли Юнхуэй. Исследование зоны опережающего развития и свободного порта Дальнего Востока России / Ли Юнхуэй, Ни Юэцзюй // Экономика Евразии. — 2019. — Вып. 5. — С. 60–74].
5. Лузянин С.Г. Россия — Китай; формирование обновленного мира / С.Г. Лузянин. — Москва: Весь Мир, 2018. — 328 с.

References

1. Wang Yi. China-Russian strategic cooperation has no limits, no forbidden zones. Available at: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1844069.shtml> (In Chinese).
2. Luzyanin S.G. *Acquisition, Juxtaposition or Conflict? The Shanghai Cooperation Organization, Chinese Silk Road Project and the Eurasian Economic Union: Options for Interaction in Eurasia*. Available at: https://www.ifes-ras.ru/images/stories/2018/report_2018_luzyanin_s_g.pdf. (In Russian).
3. Larin V.L. “Chinese Expansion” in the Eastern Regions of Russia at the Beginning of the XXI Century: through the Prism of Comparative Analysis. *Sravnitel'naya politika = Comparative Politics Russia*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 9–27. (In Russian).
4. Li Yonghui, Ni Yueju. Research of the Far Eastern territory of advanced development and free port. *Ōu yà jīngjì = The Economy of Eurasia*, 2019, vol. 5, pp. 60–74. (In Chinese).
5. Luzyanin S.G. *Russia and China Forming a Renewed World*. Moscow, Ves` Mir Publ., 2018. 328 p.

Информация об авторе

Лузянин Сергей Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор, Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, e-mail: Luzyanin.sergey@mail.ru.

作者信息

Sergey G. Luzyanin — 史学博士, 教授, 俄罗斯国立研究大学高等经济学; 院莫斯科国立国际关系学院俄联邦外交部直属大学, 莫斯科, 俄罗斯联邦, 邮箱: Luzyanin.sergey@mail.ru.

Author

Sergey G. Luzyanin — D.Sc. in History, Professor, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: Luzyanin.sergey@mail.ru.

Для цитирования

Лузянин С.Г. Российско-китайское партнерство образца 2021 года: глобальные, региональные и двусторонние измерения / С.Г. Лузянин. — DOI 10.17150/2587-7445.2021.5(3).151-159 // Российско-китайские исследования. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 151–159.

For Citation

Luzyanin S.G. Russia-China Partnership 2021: Global, Regional and Bilateral Dimensions. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 151–159. (In Russian). DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).151-159.

Экономика и политика

经济与政治

Economy and Politics

УДК 327

DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).160-167

**Концептуализация внешнеполитического курса Китая:
продукт амбиций или обстоятельств?****А.Б. Ринчинов**Байкальский государственный
университет,

г. Иркутск, Российская Федерация

Дата поступления:

06.09.2021

Дата принятия к печати:

29.11.2021

Дата онлайн-размещения:

29.12.2021

Аннотация. В ходе нарастаний противоречий в американо-китайских отношениях, послуживших основной темой для глобальной внешнеполитической повестки 2010-х гг., всё более явно проступали контуры новой политики китайского МИДа. Традиционным в западной аналитике стал нарратив, описывающий эту политику как чётко продуманную схему, разработанную Пекином для перехвата глобального лидерства, связанную непосредственно с фигурой председателя КПК — Си Цзиньпинем. Целью данной статьи является рассмотрение истоков и вех текущей китайской внешнеполитической доктрины. В ходе анализа автор приходит к выводу, что поведение КНР в международной политике является в большей степени реактивным. В периоды республиканских администраций в США именно Китай занимал позицию основного адвоката идеи «глобального мира» и был вынужден брать на себя принципиально новые международные обязательства.

Ключевые слова. Китай, стратегия, эволюция внешней политики, американо-китайские отношения, глобализм.

中国外交政策的概念话：政治野心还是政治环境的结果？**A.B. Rinchinov**贝加尔国立大学，
伊尔库茨克市，俄罗斯联邦

结稿日期：2021年9月6日

出版日期：2021年11月29日

网上出版日期：2021年12月29日

摘要：中美关系为2010年代全球外交政策议程的主要题目。在中美矛盾日益加剧的过程中，中国外交部新政策的轮廓越来越清晰。西方分析将这一政策描述为北京为夺取全球领先地位而制定的与中共主席习近平直接相关的深思熟虑的计划。这篇文章的目的是中国外交政策学说的起源和里程碑。在分析过程中，作者得出的结论是中国在国际政治中的行为具有反应性。在美国共和政府时期内，正是中国担任了“全球和平”理念的主要倡导者，承担了全新的国际义务。

关键词：中国，战略，外交政策的演变，中美关系，全球主义。

Conceptualization of China's Foreign Policy: A Product of Ambition or Circumstances?

A.B. Rinchinov

Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation

Received: 2021 September 6

Accepted: 2021 November 29

Available online: 2021 December 29

Abstract. Amid the escalating disagreements in US-China relations, which became the main theme of the global foreign policy agenda in 2010s, the contours of the new policy of Chinese Foreign Ministry have been showing more and more clearly. Traditionally, the narrative of Western analysts has described this policy as a well-thought-out scheme designed by Beijing to take over the global leadership, linked directly to the figure of the Communist Party of China Chairman, Xi Jinping. The purpose of this article is to examine the origins and milestones of the current Chinese foreign policy doctrine. Having analyzed them, the author came to the conclusion that the PRC's behaviour in international politics is largely reactive. During the Republican administrations in the U.S. it was China that was the main advocate of the idea of «global peace» and was forced to undertake fundamentally new international commitments.

Keywords. China, strategy, foreign policy evolution, China – United States relations, globalism.

Занять лидирующие позиции в текущей мировой экономической системе Китай смог в результате «южного турне» (кит.: 南巡, палл.: наньсюнь) Дэна Сяопина 1992 года, положив начало новому раунду внутренних рыночных реформ. В отличие от предыдущей волны, они уже учитывали изменившуюся мировую обстановку. Мир стал однополярным и в Китай за 1993 год поступило больше иностранных инвестиций чем за все предыдущие годы «реформ и открытости» вместе взятые. Эти инвестиции сыграли колоссальную роль, за последующие пять лет объём китайского экспорта удвоился [1, с. 1065–1066]. Именно тогда американские исследователи [2] усмотрели в Китае и будущего конкурента, если не в мировом масштабе, то способного потеснить США в азиатско-тихоокеанском регионе. Однако стоит заметить, что тема опасений потери регионального лидерства была актуальна исключительно для США и их союзников в Тихом океане. Тем временем в Европе, логика неолиберальной экономики органично толкала местных инвесторов лишь наращивать объёмы вкладов в китайскую экономику. Своеобразной «лебединой песней» подобной тенденции была политика «нового золотого века», объявленного правительством Кэмерона в отношении Китая. На тот период времени правительства Великобритании и стран ЕС видели в Китае возможность восстановить собственные потери, понесенные на фоне международного финансового кризиса 2008 года.

Так, благодаря дальновидному курсу, заложенному Дэн Сяопином с 1992 по 2011 год доля Китая в мировой торговле увеличилась с 0,02% до 10% [3, с. 110–111]. Подобные изменения не могли быть проигнорированы аналитиками внутри и вовне Китая. Возникла дискуссия о том, что по факту становясь ведущей экономической державой, Китай преуменьшает собственную значимость, предпочитая абстрагироваться от участия в международных инициативах и организациях.

В качестве своеобразного поворотного момента в отношениях с ЕС исследователи выделяют 2012 год и создание нового формата «16+1», когда страны Восточной Европы получили возможность политико-экономического взаимодействия с Китаем фактически напрямую [4]. Брюссель подобная перспектива явно не устраивала. Созданная, как считается, во многом усилиями китайской стороны платформа подчёркивала регионализацию ЕС и затрудняла выступление стран-членов «единым фронтом», кроме того — экономический потенциал европейских участников формата явно уступал таковому Китая, что создавало динамику «обратных инвестиций» Китая в ЕС. Начиная с этого момента в среде европейских политиков проявляется недоверие и алармизм [5, с. 118], которые лишь усугубляются на фоне анонсов новых китайских инфраструктурных мегапроектов, втягивающих в его орбиту все больше стран и покупок «высокотехнологичных» активов корпораций ЕС в 2015–2016 гг. Таким образом, уход западно-

европейского дискурса в ранее практиковавшуюся лишь соседями Китая по Тихому океану область был скорее закономерностью, нежели неожиданностью. В данном случае новый этап «похолодания» отношений на фоне протестов в Сянгане скорее стал очередным, нежели какой-то «поворотной точкой».

Множество аналитиков склонны связывать наиболее радикальные преобразования во внешней и внутренней политике Китая с курсом нового поколения китайских руководителей под председательством Си Цзиньпина, однако так ли это на самом деле? Продиктован ли курс личными инициативами председателя или же он вытекал из самой логики развития Китая и динамики глобального политического климата?

Свою практику критики китайских вложений европейские правительства, как правило, заимствуют из риторики Австралии и Новой Зеландии [6], которые являясь соседями Китая по АТР, одновременно с этим, являются также носителями условно-европейской политической идентичности. Одной из таких практик, например, является критика китайского правительства за использование «долговых ловушек» при построении экономических отношений с развивающимися странами, что не мешает странам ЕС игнорировать неокOLONIALную политику Франции в «зоне Франк КФА» или действия Германии по отношению к Греции и некоторым другим странам Восточной Европы. Действия стран условного Запада, как правило, упускаются аналитиками на основании сложившегося в последние десятилетия XX века статуса-кво. Действиям же Китая, как нарушающим этот статус, наоборот придаётся чрезмерное внимание. Даже не смотря на тот факт, если допустить существование «неолиберального консенсуса» в глобальной политике, что действия администрации Дональда Трампа (2018–2021 гг.) нанесли по глобалистской модели гораздо больше ударов, нежели правительство КНР. Наоборот, в эпоху отхода США от негласных обязательств по охране стабильности мировых рынков, выхода из региональных и глобальных международных структур и организаций, введения политики протекционизма и т.д. именно Китай выступил главным адвокатом «старого порядка» прекрасно осознавая, что в условиях равных возможностей, преимущества имеет тот, у кого больше начальный потенциал. При этом, следует сказать, что Китай не был готов к этому вызову. Аналитики считают, что первые сигналы о возможном «смене лидера» в неолиберальной модели мирового

развития наметились ещё в эпоху администрации Буша мл. (2002–2009 гг.). Тогда в пике Соединённым Штатам ставилось нарушение стабильности в регионах земного шара и создание коалиций для ведения наступательных боевых действий [7, с. 320]. По мнению китайских аналитиков именно периоды республиканских администраций в США стали для Китая настоящими «периодами возможностей» позволившими сперва продемонстрировать Китай как «тихую гавань» способную надёжно защищать инвестиции, а затем — уже полноценно выступить главным адвокатом сложившейся мир-системы, правда со сменившимся лидером [8]. В обоих случаях, определяющую роль сыграл международный финансовый кризис 2008 года. Именно он позволил Китаю принципиально изменить собственное иерархическое положение в отношениях со странами АТР и ЕС. Успехи Китая в преодолении кризиса подтвердили эффективность его экономической и политической системы [9]. Ключевой вывод, который необходимо вывести из вышеописанного заключается в том, что для полноценного анализа процесса смены лидера мир-системы необходимо оценивать не только действия и успехи лидера, но и ошибки, допущенные сторонниками статуса-кво. Порой действия исключительно политического характера актуальные для внутренней политики «стран центра» создавали своеобразный вакуум в международных структурах и организациях, который не мог быть не заполнен конкурентами.

Си Цзиньпин же не появился из ниоткуда, он был чиновником высокого ранга в период правления Ху Цзиньтао, являясь главным претендентом на пост председателя после его ухода начиная с XVII съезда КПК (2007 г.). В то же время, концепция наступившего «периода стратегических возможностей» (кит.: 战略机遇期, палл.: чжаньлюэ цзюй ци) в противовес Дэн Сяопиновской концепции «держаться в тени и не высовываться» (кит.: 韬光养晦, палл.: таогуан янхуэй) становится актуальной для китайского внешнеполитического ведомства ещё в период председательства Цзянь Цзэминя [10, с. 4].

Стремление исключить негативное влияние со стороны США и других иностранных держав по мере роста экономики страны подтолкнуло китайское руководство к расширению своего участия в поддержании существующего международного порядка. В 1997 году на XV съезде КПК Цзянь Цзэминь обозначил основные постулаты современной внешней политики КНР,

отметив в числе угроз несправедливый и нерациональный международный экономический порядок, а также локальные конфликты, вспыхивающие в регионе из-за этнических, религиозных и территориальных факторов. Китайские эксперты подчеркивают, что страны Восточной Азии «не желают увязывать свою безопасность и судьбу со страной, которая привержена гегемонистской силовой политике и утверждает себя в качестве мирового жандарма». Китай выступил не просто против «гегемонии», а против регионального присутствия США в принципе, обозначив тем самым один из основных аспектов, направляющих региональные векторы своей внешней политики [11, с. 120].

Позднее, при Ху Цзиньтао концептуализация китайской внешней политики произошла под (пускай и короткоживущим) лозунгом «мирного усиления и возвышения». На том же XVII съезде Ху Цзиньтао, которому в отличие от Си Цзиньпина международные аналитики предпочитают создавать образ «технического» председателя без амбиций, впервые вслух объявил о важности и необходимости использования «мягкой силы» (кит.: 软实力, палл.: жуаньшили) для продвижения собственных инициатив в рамках политики «мирного усиления и возвышения» (кит.: 和平崛起, палл.: хэпин цзюэци). Сам по себе этот лозунг стал для критиков китайской модели настоящим подарком, негативной коннотации «превосходства» избежать не удалось, поэтому всего через несколько лет все тезисы «мирного возвышения» были объединены под заголовком идеи «гармоничного мира» (кит.: 和谐世界, палл.: хэсе шицзе). Сама же концепция «мягкой силы» и возможности её применения в китайской внешней политике тоже не возникла из ниоткуда, а активно обсуждалась в академических кругах начиная с 1993 года [12, с. 103]. Выход на глобальный уровень и более активные действия во внешней политике и международных организациях также были прописаны в XII пятилетнем плане, принятом в 2011 году [13, с. 15].

Таким образом, можно сказать, что современный внешнеполитический курс Китая является логическим продолжением и развитием программы, принятой ещё до прихода к власти нынешнего поколения руководителей. Однако невозможно не отметить многократно усилившуюся внешнеполитическую активность Китая в течение последних пяти лет. В этом плане, китайские исследователи выделяют работу Центральной конференции по международным отношениям, состоявшейся при участии Си Цзиньпина

в ноябре 2014 года [14, с. 17–18]. Именно там была концептуализирована новая роль Китая как лидера-реформатора системы глобального управления. При этом, примечательно то, что промежуточные итоги этой роли были подведены уже на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г., т.е. за месяц до победы Трампа на выборах) когда Си Цзиньпин заявил, что Китай «находится ближе к центру мировой арены» чем когда бы то ни было, «поддерживая эволюцию системы глобального управления» [15].

Иронично, что в период правления Трампа, особенно в случае очередной фазы обострения кризиса на Корейском полуострове, со стороны американской администрации Китай подвергался критике за то, что вёл себя «недостаточно активно для сверхдержавы». Однако в иных ситуациях наоборот критиковался за то, что действовал активно, даже в случаях, когда эта «активность» заключалась в поддержке работы международных организаций.

Инициатива «Один пояс — один путь» (ОПОП официально анонсирована в 2013 году, однако включает в себя и ранее созданную инфраструктуру) уже прочно ассоциируется с внешнеполитическим курсом Си Цзиньпина. Китай является далеко не первым государством использующем предоставление инфраструктуры и общественных благ для достижения геополитических целей. Однако при изучении аналитики посвященной ОПОП наблюдается явная поляризация мнений о проекте, делящая страны-источники этой аналитики на участвующих в проекте и отказавшихся от участия/не участвующих. По сути, если в случае с критикой влияния Соединённых Штатов и «неолиберального консенсуса» в глобальной политике — страны оказывались на прокитайской стороне смены лидера в мир-системе даже не осознавая этого, то в случае с прямыми инвестициями Китая наблюдается обратный эффект. Критики проекта [16] склонны воспринимать любые действия Китая с подозрением, просто исходя из факта источника происхождения инициативы.

Несмотря на то, что ОПОП содержит в себе конкретные взаимосвязанные инициативы, он действительно является важным международным брендом Китая. По сути, Китай мог бы вести аналогичную внешнюю политику и инвестирование в развивающиеся рынки, вообще не упоминая эту инициативу. Более того, по мере того как инициатива ОПОП охватывает уже большую часть Азии и Африки, с отдельными стратегиями и акцентами в каждом отдельно взятом регионе

(например, в России проект официально сопряжен с ЕАЭС), становится все более проблематично выдерживать единую стилистику. Вероятно дело обстоит таким образом, что проект ОПОП стал важной частью внутрисударственного дискурса, своеобразным материальным символом воплощения «общества одной судьбы» (кит.: 人类命运共同体, палл.: жэньлэй минъюнь гунтунти), призванным вернуть Китаю его статус мирового лидера [17], который он фактически занимал вплоть до XVII века. Коммунистическая партия закономерно использует реваншистские мотивы восстановления исторической справедливости после «века унижения» (1839–1949 гг.), в контексте которых, именно их умелая политика позволила преодолеть нищету и несправедливость и вывела Китай на лидирующие позиции [18, с. 261–262]. В этой связи даже небольшие издержки, на которые натывается проект ОПОП остаются полностью оправданными, так как успехи проекта предоставляют и внутривнутриполитические дивиденды.

В то же время, нельзя полностью абстрагироваться и от вклада Си Цзиньпина в китайскую дипломатию. Так в июне 2018 года на рабочей конференции МИДа «Мысль Си Цзиньпина о дипломатии социализма с китайской спецификой в новую эпоху» была принята в качестве основного ориентира китайской внешней политики. Критически важным в этом, казалось бы, программном событии является тот факт, что принятая концепция была обозначена как «мысль», что автоматически возвышает её над всеми предыдущими нормативными документами выводя на уровень идеологии [19]. Ранее, в публичных выступлениях Си Цзиньпин постоянно подчеркивал важность соблюдения принципа суверенитета в международных отношениях, проводя преемственность их основных принципов с эпохи Вестфальской системы [20]. Не в последнюю очередь за счет именно вклада подобного характера его считают создателем институционального механизма, образа мышления, выстраивающего в единую систему внутреннюю и внешнюю политику государства. Именно подобный подход позволяет Китаю проводить полноценно свою стратегию способами, которые ранее представляли из себя, в силу специфики условий их развития, многомерную фрагментированную структуру. По мнению исследователей, проведенные по инициативе нового поколения руководителей, реформы позволили наладить контроль и координацию в наиболее критичных областях. Это коснулось не только внешней, но и внутренней

политики, где ключевым лозунгом стала кумулятивная идея «китайской мечты» о национальном возрождении.

Фраза о «возрождении» буквально заимствована из китайской классической традиции, констатировавшей международный статус Китая как самого развитого государства в начале правления династии Тан (627–649 гг.). Определяя национальное возрождение как цель политического курса, китайское руководство, неизбежно вступит в конфликт с США, претендующими на роль единственной сверхдержавы. Для поддержания статуса, в периоды администраций Обамы и Байдена, США стремятся расширить союзнические отношения в рамках своих старых связей (Япония, Республика Корея) и приобретая новых (Вьетнам) союзников в Азии. Китай справедливо видит в данной тенденции угрозу своим границам и выстраивает собственную дипломатию зеркальным образом, пытаясь параллельно централизовать собственную архаичную систему контроля. Подобная традиционная политика великих держав описана в трактатах «Гуань-цзы», относящихся ещё к периоду Весны и Осени (722–481 гг. до н.э.), где говорилось, что княжество сможет стать гегемоном, когда приобретет друзей в половине стран, с которыми поддерживает торговые отношения [3, с. 113].

И даже не смотря на попытки централизации, современную тактику международного взаимодействия Китая можно характеризовать в первую очередь её ограниченной автономией и плюрализмом [21, с. 68]. Существуют определенные «общие направления» в дискуссии, однако вопрос интерпретации оставляет большое пространство для обсуждений. В этом плане, особенно характерными выглядят отдельные заявления китайских официальных лиц, которые периодически могут позволить себе полемизировать друг с другом в рамках единой смысловой канвы. По сути, государственно-партийный аппарат позволяет себе вмешаться лишь когда автономные действия начинают создавать проблемы. В экономике отличным примером такого подхода служат новые меры по контролю за выводом инвестиций принятые в 2017 году. После трёх лет неконтролируемого роста, государство ограничило сектора для инвестиций и призвало согласовывать подобные действия впредь. Подобные меры ожидаемо нарвались на шквал критики зарубежных либеральных экономистов, однако причина, по мнению некоторых исследователей, была более чем банальной: китайские

компании в борьбе на внешних рынках столкнулись в жёсткой конкуренции сами с собой.

Таким образом, ограниченная автономия лишь задаёт общее примерное направление деятельности, не регулируя при этом детали и средства. Из этого можно сделать вывод, что далеко не все решения китайских компаний занятых в секторе международных инвестиций и даже отдельных государственных ведомств КНР рассматриваются и обсуждаются на самом высоком уровне. Например, ряд конкретных инициатив в рамках ОПОП привёл к банкротствам китайских партнёров. Чаще всего подобный исход в западной аналитике связывают с чётко продуманной системой, являющейся полноценной стратегией в китайском арсенале. Как правило, в качестве примера приводится ситуация, сложившаяся вокруг портового терминала в Шри-Ланкийской Хамбантоте. Начиная с 2017 года терминал действительно из совместной собственности перешёл в эксплуатацию китайской компании, однако именно китайские инвесторы ещё с 2009 года (то есть задолго до анонса инициативы ОПОП) покрыли затраты на строительство порта. На сегодняшний день невозможно предоставить ни одного фактического доказательства намеренных действий китайских инвесторов по финансированию заведомо убыточных проектов с целью их дальнейшего перехода в собственность китайских владельцев. Причиной таких случаев, как правило, наоборот становится оппортунизм и низкая культура планирования, выявленная в инвестиционных

практиках китайских корпораций [22, с. 13]. В исключительных случаях привязка уже состоявшегося инвестиционного проекта к бренду ОПОП действует как запрос бизнесменов на предоставление стабильности и гарантий от китайского государства.

Резюмируя, можно лишь ещё раз подчеркнуть, что научная специфика международных отношений глубока и разнообразна. Ни одно государство в мире не располагает полной вертикально интегрированной системой директивного исполнения указаний, объединённых в рамках некоего подробно проработанного плана. Многообразие акторов, задействованных на стыке внешней политики и экономики государства, оставляет возможности для ошибок, просчетов и неожиданных последствий. Внешняя политика Китая с трудом пытается направлять переизбыток исходящих из него инвестиций в конструктивное русло, способное как обезопасить инвесторов, так и выполнять заданные в рамках программы развития цели. Поведение китайского руководства, по своей сути, лишь подстраивается под положение дел в глобальной экономике и политике всегда при этом выступая максимально прагматично и предсказуемо. Несмотря на конкретные достижения в области централизации и концептуализации внешней политики, «мысль Си Цзиньпина», как и в случае с «Китайской Мечтой» для внутренней политики, скорее является компиляцией опыта и практики в том или ином виде уже существовавших ранее в китайском политическом поле.

Список использованной литературы

1. Lardy N. The Role of Foreign Trade and Investment in China's Economic Transformation / N. Lardy // *The China Quarterly*. — 1995. — No. 144. — P. 1065–1082.
2. Roy D. Hegemon on the horizon? China's threat to East Asian security / D. Roy // *International Security*. — 1994. — Vol. 19, no. 1. — P. 149–168.
3. Гордон А.В. Внешняя политика Китая от Дэн Сяопина к Си Цзиньпину: смена курса / А.В. Гордон // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал*. — 2017. — № 3. — С. 105–129.
4. Van der Putten F. Europe and China's New Silk Roads : ETNC Report. 2016 / F. van der Putten, J. Seaman, M. Huotari. — URL: https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/Europe_and_Chinas_New_Silk_Roads_0.pdf.
5. Пономарева Е.Г. Балканское дыхание Пекина: стратегия и тактика китайского присутствия в странах западных Балкан / Е.Г. Пономарева, Д.Д. Крыканов // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. Журнал политической философии и социологии политики*. — 2020. — № 1 (96). — С. 117–137.
6. Brady A. Magic Weapons: China's Political Influence Activities under Xi Jinping / A. Brady. — Washington : Wilson Center, 2017. — 57 p.
7. Zhang F. Rethinking China's grand strategy: Beijing's evolving national interests and strategic ideas in the reform era / F. Zhang // *International Politics*. — 2012. — No. 49 (3). — P. 318–345.
8. Xu J. Rethinking China's period of strategic opportunity / J. Xu // *China International Studies*. — 2014. — Iss. 2. — P. 51–70.
9. 俞正樑. 关于中国大战略的思考 // *毛泽东邓小平理论研究*. 2012. URL: <http://niis.cssn.cn/webpic/web/niis/upload/2012/11/d20121130233047067.pdf>. [Юй Ч. Мысли о великой стратегии

Китай / Ч. Юй // Исследования теории Мао Цзэдуна-Дэн Сяопина. — 2012. — URL: <http://niis.cssn.cn/webpic/web/niis/upload/2012/11/d20121130233047067.pdf>].

10. Zheng Y. Harmonious Society and Harmonious World: China's policy discourse under Hu Jintao / Y. Zheng. — China Policy Institute, 2007. — Iss. 26. — 12 p.

11. Голобоков А.С. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая / А.С. Голобоков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2010. — № 3 (14). — С. 117–124.

12. Shambaugh D. China's soft power push: The search for respect / D. Shambaugh // Foreign Affairs. — 2015. — No. 94 (4). — P. 99–107.

13. Johnston A. How new and assertive is China's new assertiveness? / A. Johnston // International Security. — 2013. — No. 37 (4). — P. 7–48.

14. 阮宗泽. 构建新型国际关系：超越历史赢得未来 // 国际问题研究. — 2015. — 年第 2. — 页 16–30. [Жуань Ц. Построение международных отношений нового типа: перешагнуть через историю во имя будущего / Ц. Жуань // Двухмесячник Шанхайской академии международных исследований. — 2015. — № 2. — С. 16–30.]

15. Xi J. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era / J. Xi // 19th National Congress of the Communist Party of China October 18, 2017. — URL: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf.

16. Turner O. Threatening China and US security: The international politics of identity / O. Turner // Review of International Studies. — 2013. — no. 39 (4). — P. 903–924.

17. 曹志建. 人类命运共同体视角下的全球人权治理：人类命运共同体所面临的人权挑战 // 人权. — 2017. — 年第 2. — 页 40–47. — URL: http://www.humanrights.cn/html/2017/zxyq_0711/30128.html. [Цао Ч. Понятие прав человека с точки зрения общества одной судьбы: проблемы прав человека, с которыми столкнётся общество одной судьбы / Ч. Цао // Права человека. — 2017. — № 2. — С. 40–47.]

18. Edney K. Building national cohesion and domestic legitimacy: A regime security approach to soft power in China / K. Edney // Politics. — 2015. — No. 35 (3). — P. 259–272.

19. Yang J. Working Together to Build a World of Lasting Peace and Universal Security and a Community with a Shared Future for Mankind / J. Yang // Seventh World Peace Forum Tsinghua University, 14 July 2018. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/201807/t20180714_678683.html.

20. Xi J. Work Together to Build a Community of Shared Future for Mankind / J. Xi. — Geneva, 2017. — URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceiq//eng/zygx/t1432869.htm>.

21. Breslin S. China Risen? Studying Chinese Global Power / S. Breslin. — Bristol : Bristol Univ. Press, 2021. — 316 p.

22. Brautigam D. A critical look at Chinese «Debt-Trap Diplomacy» / D. Brautigam // Area Development and Policy. — 2019. — No. 5 (3). — P. 1–14.

References

1. Lardy N. The Role of Foreign Trade and Investment in China's Economic Transformation. *The China Quarterly*, 1995, no. 144, pp. 1065–1082.

2. Roy D. Hegemon on the horizon? China's threat to East Asian security. *International Security*, 1994, vol. 19, no. 1, pp. 149–168.

3. Gordon A.V. China's Foreign policy from Deng Xiaoping to Xi Jinping: a change of course. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika. Referativnyi zhurnal = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies*, 2017, no. 3, pp. 105–129. (In Russian).

4. Van der Putten F., Seaman J., Huotari M. *Europe and China's New Silk Roads: ETNC Report. 2016*. Available at: https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/Europe_and_Chinas_New_Silk_Roads_0.pdf.

5. Ponomareva E.G., Krykanov D.D. Balkan breath of Beijing (strategy and tactics of chinese presence in the western Balkans). *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz. Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki = The journal of political theory, political philosophy and sociology of politics politicia*, 2020, no. 1, pp. 117–137. (In Russian).

6. Brady A. *Magic Weapons: China's Political Influence Activities under Xi Jinping*. Washington, Wilson Center, 2017. 57 p.

7. Zhang F. Rethinking China's grand strategy: Beijing's evolving national interests and strategic ideas in the reform era. *International Politics*, 2012, no. 49, pp. 318–345.

8. Xu J. Rethinking China's period of strategic opportunity. *China International Studies*, 2014, iss. 2, pp. 51–70.

9. Yui Ch. Thoughts on China's strategic development. *Studies of the theory of Mao Zedong and Deng Xiaoping*, 2012. Available at: <http://niis.cssn.cn/webpic/web/niis/upload/2012/11/d20121130233047067.pdf>. (In Chinese).
10. Zheng Y. *Harmonious Society and Harmonious World: China's policy discourse under Hu Jintao*. China Policy Institute, 2007, iss. 26. 12 p.
11. Golobokov A.S. Chinese's foreign-policy doctrine foundation and development. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya = Ojkumena. Regional researches*, 2010, no. 3, pp. 117–124. (In Russian).
12. Shambaugh D. China's soft power push: The search for respect. *Foreign Affairs*, 2015, no. 94, pp. 99–107.
13. Johnston A. How new and assertive is China's new assertiveness? *International Security*, 2013, no. 37, pp. 7–48.
14. Zhuan' Ts. How new and assertive is China's new assertiveness?. *International Security*, 2015, no. 2, pp. 16–30. (In Chinese).
15. Xi J. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. *19th National Congress of the Communist Party of China October 18, 2017*. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf.
16. Turner O. Threatening China and US security: The international politics of identity. *Review of International Studies*, 2013, no. 39, pp. 903–924.
17. Tsao Ch. Global human rights management from the point of view of the Community of the Common Destiny of Mankind: human rights problems faced by the community of the common destiny of mankind. *Human Rights*, 2017, no. 2, pp. 40–17. Available at: http://www.humanrights.cn/html/2017/zxyq_0711/30128.html. (In Chinese).
18. Edney K. Building national cohesion and domestic legitimacy: A regime security approach to soft power in China. *Politics*, 2015, no. 35, pp. 259–272.
19. Yang J. Working Together to Build a World of Lasting Peace and Universal Security and a Community with a Shared Future for Mankind. *Seventh World Peace Forum Tsinghua University, 14 July 2018*. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zjyh_665391/201807/t20180714_678683.html.
20. Xi J. Work Together to Build a Community of Shared Future for Mankind. Geneva, 2017. Available at: <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceiq//eng/zygx/t1432869.htm>.
21. Breslin S. *China Risen? Studying Chinese Global Power*. Bristol, Bristol University Press, 2021. 316 p.
22. Brautigam D. A critical look at Chinese «Debt-Trap Diplomacy». *Area Development and Policy*, 2019, no. 5, pp. 1–14.

Информация об авторе

Ринчинов Артём Бэликтоевич — аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, Институт мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: hongweibing49@gmail.com.

作者信息

Artyom B. Rinchinov — 全球经济与国际关系学院，国际关系与海关教研室的研究生，贝加尔国立大学，伊尔库茨克市，俄罗斯联邦，邮箱: hongweibing49@gmail.com.

Author

Artyom B. Rinchinov — PhD Student, Department of International Relations and Customs Affairs, Institute of World Economy and International Relations, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: hongweibing49@gmail.com.

Для цитирования

Ринчинов А.Б. Концептуализация внешнеполитического курса Китая: продукт амбиций или обстоятельство? / А.Б. Ринчинов. — DOI 10.17150/2587-7445.2021.5(3).160-167 // Российско-китайские исследования. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 160–167.

For Citation

Rinchinov A.B. Conceptualization of China's Foreign Policy: A Product of Ambition or Circumstances? *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 160–167. (In Russian). DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).160-167.

УДК 338

DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).168-178

Опыт Китая по борьбе с опустыниванием и озеленению страны: история, итоги и перспективы

А.С. Селищев

Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Дата поступления:

01.09.2021

Дата принятия к печати:

29.11.2021

Дата онлайн-размещения:

29.12.2021

Аннотация. В XXI в., несмотря на активность международного сообщества в решении глобальных проблем, вопросы экологии продолжают сохранять особую актуальность. Состояние окружающей среды, как никогда ранее, становится определяющим на самом главном этапе реализации макроэкономической политики государства — определении его стратегических целей развития. Период индустриализации оставил в наследство как наукоемким постиндустриальным развитым странам, так и продолжающим сохранять свою сырьевую направленность развивающимся странам проблемы загрязнения атмосферы, деградации почв, опустынивания и обезлесения планеты. Их игнорирование может перекрыть любые альтернативы дальнейшего экономического развития национальных экономик, приумножения их человеческих капиталов.

Ярким примером страны, чье руководство еще в конце прошлого века стало уделять серьезнейшее внимание вопросам экологии, в первую очередь, борьбе с опустыниванием и последующей реализации программ по озеленению страны, является Китай. Благодаря продуманной экологической политике ему удалось увеличить долю своего лесного покрова с 8,6 % в 1949 г. до 23,04 % к 2020 г.

Целью статьи является ретроспективный анализ комплексной деятельности в различных провинциях и регионах Китая по превращению страны в зеленую зону. Заимствование соответствующего опыта другими странами может стать триггером в решении пока открытого экологического вопроса.

Ключевые слова. Китай, опустынивание, озеленение, проекты и программы.

中国防治荒漠化和绿化国家的经验：历史、成果和前景

A.S. Selishchev

圣彼得堡，俄罗斯联邦

结稿日期：2021年10月1日

出版日期：2021年11月29日

网上出版日期：2021年12月29日

摘要：进入 21 世纪，尽管国际社会在积极解决全球性的问题，但环境问题仍然具有特殊意义的。环境状况是国家宏观经济政策实施的最重要因素阶，即战略发展目标的确立，环境状况变得前所未有地具有决定性意义。工业化时期给密集的后工业发达国家遗留下很多发展问题。如继续保持其原材料导向、空气污染、土壤退化、荒漠化和地球森林砍伐等。忽视它们会阻碍国民经济进一步的发展，任何的替代方案都会增加其人力资本。

中国是一个典型的例子，其领导层在上世纪末开始认真关注环境问题，首先是防治荒漠化，随后实施了国家绿色计划。由于完善严谨的环境政策，中国将森林覆盖率从 1949 年的 8.6% 增加到 2020 年的 23.04%。

这篇文章的目的是对中国各省市及地区在将国家绿色计划的复杂实施活动进行系统的回顾性分析。借鉴其相关经验，可以成为解决仍然悬而未决的环境问题的切入点。

关键词：中国，荒漠化，绿化，项目和计划。

China's Experience in Combating Desertification and Greenifying the Country: History, Outcomes and Prospects

A.S. Selishchev

Saint-Petersburg,
Russian Federation

Received: 2021 September 1

Accepted: 2021 November 29

Available online: 2021 December 29

Abstract. In the 21st century, despite the international community's activism in addressing global problems, environmental issues continue to be of particular relevance. The state of the environment, as never before, becomes decisive at the most important stage of implementation of the macroeconomic policy of the state - determination of its strategic development goals. The period of industrialization has left a legacy of air pollution, land degradation, desertification and deforestation on the planet, both for knowledge-intensive, post-industrialized developed countries and for developing ones that continue to rely on raw materials. Ignoring them could block any alternatives of further economic development of national economies and increase their human capital.

China is a striking example of a country, whose leaders at the end of the last century began to pay serious attention to environmental issues, first of all, to combating desertification and the subsequent implementation of forestation programs in the country. Thanks to its sound environmental policy, China has succeeded in increasing the proportion of its forest cover from 8,6 % in 1949 to 23,04 % by 2020.

The purpose of the article is to provide a retrospective analysis of the complex activities in various provinces and regions of China aimed at transforming the country into a green space. Adopting the relevant experience of other countries could be a trigger in settling the still burning environmental issue.

Keywords. China, desertification, forestation, projects and programs.

Дикого гуся
Несет из Монголии ветер
С севера дую,
Он мелкую гальку несет.
Звонко свистит —
И в лесу содрогаются ветви,
Пышные травы
К земле в три погибели гнет.
Ду Фу (杜甫, 712–770)

В глубокой древности климат и растительность Китая существенно отличались от нынешних. Древние хроники отмечают, что во время династии *Западная Чжоу* (西周, 1046–771 гг. до н.э.) [1, с. 48–54], лёссовое плато Китая (黄土高原), расположенное в средней части реки Хуанхэ (黄河), в историческом районе формирования китайской нации, на 53 % было покрыто лесом [2, с. 4]. Ныне поверхность плато подвержена масштабной эрозии с огромным количеством оврагов (протяженностью до 5 км и более и глубиной до 150 м). Тем не менее и в глубокой древности китайцы старались заботиться о

лесном богатстве, о чем свидетельствуют указы правителей некоторых династий [3].

Современная КНР существенно превосходит по территории *Западную Чжоу* и охватывает многие климатические зоны с разнообразным климатом: от субтропического на юго-востоке до резко-континентального (аридного) на северо-западе. Южные и восточные области страны примерно раз в пять лет страдают от разрушительных тайфунов, наводнений, муссонов, цунами и засух. Северные районы Китая каждую весну накрывают пыльные бури, зарождающиеся в северо-западных пустынях и переносимых в Корею и Японию.

Пыльные бури, «продукт» наступления пустыни и опустынивания почвы, на протяжении истории Китая рассматривались как вековечное проклятье и неустрашимое стихийное бедствие. Исторические хроники свидетельствуют, что на протяжении 2 154 лет до 1949 г. – возникновения КНР, бури случались в среднем раз за 30 лет. Пыльные (песчаные) бури обрушиваются на Пекин каждую весну. Они зарождаются в автономном районе *Внутренняя Монголия* (内蒙古自治区), в том числе в *Гоби* (戈壁). Подробные сведения о песчаных бурях зафиксированы при династии *Юань* (元朝, 1279–1367 гг.): так буря в 1367 г. длилась 43 дня [4]. Постепенно периодичность песчаных бурь немаломо учащалась: в 1950–1990 гг. пыльные бури в среднем происходили раз в два года; в 1990–2000 гг. — 5–6 раз в год. В 2000 г. случилось 14 пыльных бурь, а в 2001 г. — 26. Таблица 1 иллюстрирует возрастание периодичности пыльных бурь в Китае за период с 1950 по 2003 г.

В 1979 г. *Таримская* (Кашгарская) впадина (塔里木盆地) в *Синьзян-Уйгурском автономном районе* (新疆维吾尔自治区) трижды с апреля по июнь подвергалась ударам пыльных бурь. За три дня буря перенесла в среднем 25,6 тыс. т пыли на 1 км² в уезде *Вэйли* (尉犁县). В 1983 г. буря в *Синьзян-Уйгурском АР* уничтожила 16 тыс. га урожая, нанеся урон в 3 млн юаней. В мае 1986 г. буря уничтожила 13,3 тыс. га зерна, нанеся прямой урон более чем в ¥50 млн. В мае 1993 г. буря на юго-западе Китая привела к смерти 380 чел., погубив 120 тыс. голов скота, уничтожив 336,6 тыс. га урожая; общий урон оценивался в ¥540 млн. 15 мая 1995 г. мощный ураган перенес 12 431 млн т пыли в провинции *Ганьсу* (甘肃), что сопоставимо с десятилетней выработкой крупнейшего в провинции цементного завода. В апреле 1998 г. песчаная буря поразила 12 районов на северо-западе Китая, уничтожив 30 тыс. га зерна, погубив 110,9 тыс. голов скота; общие потери оценивались в ¥800 млн.

Третьего и четвертого апреля 1999 г. песчаные бури из Внутренней Монголии со скоростью 16 м/сек пронесли над 10 провинциями. Погибли 490 чел., пострадало 31,93 млн га полей. В течение марта-мая 2003 г. пыльные бури на севере Китая бушевали 7 дней, в 2001 дней — 18 дней; в 2002 г. — 12 дней. Крупнейшая буря в Пекине разразилась 21 марта 2002 г. Она продолжалась 51 часа, перенесла в Пекин 30 тыс. т песка: 2 кг на каждого жителя столицы. Буря пронеслась над 8 провинциями, автономными районами и муниципалитетами, затем — над Кореей и Японией, дойдя до берегов США.

Таблица 1

Крупные пыльные бури в КНР

Период	Количество
1950–1959	5
1960–1969	8
1970–1979	13
1980–1989	14
1990–1999	23
2000	14
2001	26
2002	16
2003	11

Источник: [5].

В 1950–1960-е гг. деградация почвы в результате опустынивания оценивалась 1 560 км² в год; в 1970–1980-е гг. — 2100 км² в год; в 1990-е гг. — 2 460 км² в год, достигнув к началу XXI в. до 3436 км² в год [6, с. 8].

Термин «опустынивание» (*desertification*) впервые употреблен в 1949 г. французским ботаником *Андре Обревилем* (*André Aubréville*, 1897–1982). В 1994 г. «Конвенция ООН по борьбе с опустыниванием» классифицировала три категории этого явления: деградация земли в 1) *засушливых и безводных* (*аридных — arid*) территориях [поверхность, полностью лишённая растительности с осадками до 100 мм в год]; 2) *полузасушливых* (*semiarid*) территориях [поверхность с сезонными травами и осадками менее 250 мм в год] и 3) *низко-влажных* (*sub-humid*) территориях [поверхность с травами и кустами и осадками менее 500 мм в год], возникающая в результате воздействия различных факторов, таких как климатические изменения, так и деятельность человека.

В Китае опустыненные территории расположены преимущественно на северо-западе. Географическое распределение пустынь, полученное на основе обследования, проведенного в 2003 г. *Государственным управлением лесного хозяйства* (国家林业局)¹, изображено на рис. 1.

¹ Организация основана в 1949 г. как Министерство лесного хозяйства и освоения земель; 5 ноября 1951 г. реформировано в Министерство лесного хозяйства; отделение Освоения земель вошло в Министерство земледелия. 10 марта 1998 г. Министерство лесного хозяйства преобразовано в Государственное управление лесного хозяйства (国家林业局). 10 апреля 2018 г. в результате широкомасштабной административной реформы преобразовано в Государственное управление лесного и пастбищного хозяйства (国家林业和草原局) и находится под управлением Министерства природных ресурсов КНР (中华人民共和国自然资源部).

Согласно обследованию, площадь опустыненных территорий составила 2,64 млн км² (пять территорий Франции) или 27,46 % территории Китая в 498 уездах 18 провинций, автономных районов и муниципалитетов.

Борьба с опустыниванием в КНР до экономической реформы 1978 г. В старом Китае ведение лесного хозяйства осуществлялось хищнически-неупорядоченно. Организованной и скоординированной работы по лесовозобновлению и охране лесных богатств не проводилось. Большие объемы древесины гибли в результате частых стихийных лесных пожаров [7, с. 223]. Ко времени возникновения КНР в 1949 г. страна располагала около 30 государственными лесными плантациями [8]. Площадь лесов занимала 8,6 % (а по некоторым данным — 5 %) территории страны.

Север Китая. В непосредственной близости от столицы государства — в трех провинциях: Ляонин (辽宁), Цилинь или Гири (吉林), Хэйлунцзян (黑龙江) и восточной части Внутренней Монголии господствовали песчаные равнины, занимающие около 60 % территории. Напротив, лесная поверхность сократилась до 3,2 %. Здесь более трети года бушевали сильные ветры со скоростью не менее 15 м/сек. Пески наступали в сторону Пекина ежегодно по 7–10 м, поглощая ежегодно более 1 500 му земли². Население пыталось высаживать деревья и кустарники,

² 15 му (亩) ≈ 1 га; традиционная китайская мера площади, с 1959 г. постепенно вышедшая из употребления при переходе КНР на международную метрическую систему.

ки, но сил для противостояния бурям было явно недостаточно [9].

Положение кардинально изменилось с образованием КНР. С учреждением *Министерства лесного хозяйства и освоения земель институты* по защите лесов и борьбы с пустыней были сформированы на всех административных уровнях: от центрального министерства до деревни. В 1950 г. *Министерство лесного хозяйства и освоения земель* созвало первую всекитайскую конференцию по лесоводству, которая разработала принципы и задачи лесного хозяйства по защите лесов Китая, по лесонасаждениям, по рациональной вырубке и использования леса.

В середине 1950-х гг. Мао Цзэдун (毛泽东, 1893–1976) обратился к нации с призывом «сделать страну зеленой». В 1956 г. опубликована «Программа сельскохозяйственного развития на 12 лет» (1956–1967), одной из задач которой было «превращения Китая в зеленую страну».

Программа лесонасаждений была включена в первую китайскую пятилетку (1953–1957), в течение которой в стране было высажено деревьев на площади большей, чем все леса Британии, Бельгии, Нидерландов, Греции и Италии вместе взятые (табл. 2).

Тогда же была поставлена задача увеличить площадь лесов Китая с 1500 млн му в 1958 г. (10 % территории страны) до 3000 млн му (20 % территории страны) в 1968 г. Впрочем, этим планом не суждено было сбыться из-за политических перипетий «большого скачка» (1958–1960 гг.) и «культурной революции» (1966–1976 гг.).

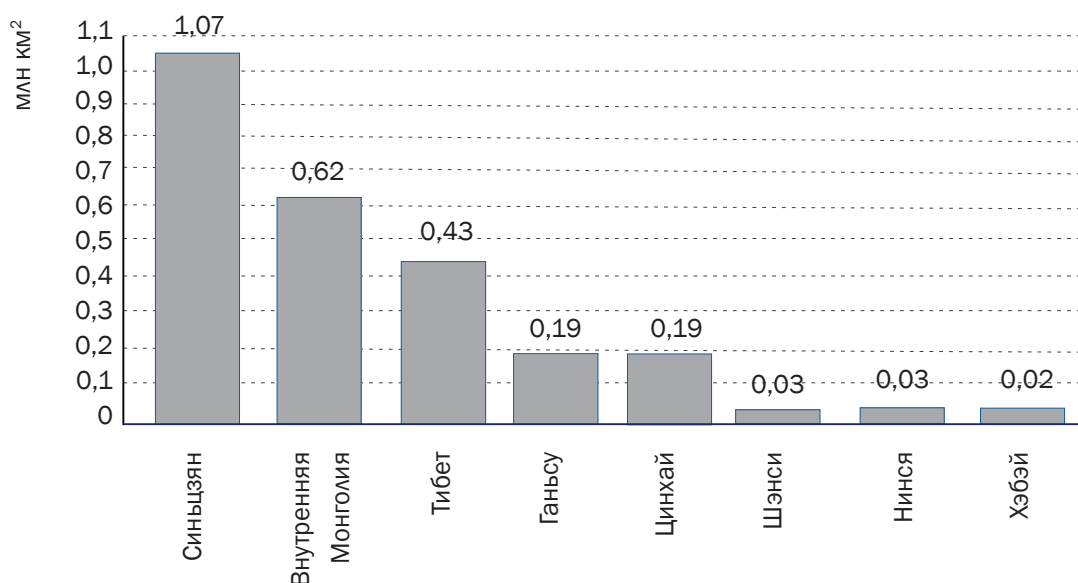

Рис. 1. Опустыненные земли по провинциям и регионам Китая, млн км²

Источник: [6, с. 8–11]

Таблица 2

Лесонасаждения в КНР в первой пятилетке: 1953–1957 гг. (му)

Виды лесопосадок	Площадь
Лесоматериалы	77 430 000
Деревья для производственных целей (кофе, камфора и т.п.)	32 385 000
Лесозащитные полосы	22 095 000
Лесонасаждения по берегам рек	20 970 000
Прочие (в том числе на дрова)	16 470 000
Итого	169 350 000

Источник: [10].

В марте 1959 г. в газете «Жэньминь жибао» появилась статья видного ученого, академика и вице-президента Академии наук КНР Чжу Кэжэня (竺可桢, 1890–1974) «Преобразуя пустыни»³, в которой автор писал, что засушливые территории занимают 1/3 территории Китая, а собственно пустыни — 11 % территории страны (1 600 млн му). При этом 98,4 % пустынь расположены на севере и северо-западе: в Сяньцзян-Уйгурском АР — 820 млн му; во Внутренней Монголии — 420 млн му; Ганьсу — 200 млн му; Шэньси (陕西) — 20 млн му и Нинся (宁夏) — 15 млн му. В статье отмечалось, что после освобождения в стране проводились большие работы по лесопосадкам. Так, за 1951–1958 гг. лесопосадки составили 20 млн му; травами засеяно 26 млн му; покрыто почвой — 15 млн му. На площади 1 млн му осуществлены ирригационные работы. Главным направлением усилий в настоящее время, писал автор статьи, является Внутренняя Монголия, где опустынивание и песчаные бури непосредственно угрожают столице страны. На 1959 г. поставлена цель — взять под контроль 38 млн му пустыни. На защитных работах широко используются грузовики, верблюды и аэропланы. В пустыне строятся аэродромы, здания, метеостанции. Заготавливаются и высаживаются семена трав и саженцы деревьев. За год необходимо построить 6 испытательных станций в разных районах: на северо-западе и севере страны для изучения пустыни, а также для исследования силы ветров и мощности солнечной энергии. Борьба с пустыней должна стать стратегической задачей Китая, писал академик.

В 1962 г. состоялся первый выпуск 135 студентов, окончивших обучение в Лесоводческом институте Внутренней Монголии в городе Хух-хото (呼和浩特). В институте тех лет обучалось 750 студентов для последующей работы в лесах Большого Хингана (大兴安岭) и в других лесных районах, в которых в те годы была сосредоточена треть лесов страны и десятая часть пустынь и

пустошей⁴. В наши годы здесь функционирует в мире известный *Аграрный университет Внутренней Монголии* (内蒙古农业大学), основанный в 1952 г. В рамках университета в 1958 г. и был основан упомянутый Лесоводческий институт.

Уже в 1951 г. люди массово высаживали по собственной инициативе деревья в районе пустыни Улан-Бух (乌兰布和沙漠) на западе Внутренней Монголии. Несколько лет спустя государство основало здесь несколько станций по контролю пустыни и организовало высадку деревьев. К 1964 г. был высажен 175 километровый пояс деревьев шириной в 300–400 м и высотой 10 м, укрепленный обширными насаждениями трав. Продвижение пустыни уже тогда удалось приостановить и вовлечь земли в сельскохозяйственный оборот⁵. В настоящее время здесь работает индустриальный парк: совместный китайско-израильский проект комплексного освоения пустынь и интегрированного развития экологически чистого сельского хозяйства.

Северо-Запад и Центр Китая. Борьба с пустыней и программа озеленения энергично осуществлялась также на северо-западе страны и в центральных районах. Так, в 1958 г. в городе Ланьчжоу (兰州) провинции Ганьсу (甘肃) состоялась выездная конференция представителей десяти провинций и автономных районов, посвященная всекитайской кампании борьбы с пустыней. На конференции рассматривались перспективные программы, происходил обмен опытом имеющихся достижений. Отмечалось, что за период с 1951 по 1957 гг. в пустыне Гоби вырыты тысячи больших и малых оросительных каналов и колодцев, высажено множество деревьев и кустарников. В 1958 г. произведены лесопосадки на 360 тыс. га пустынных и засушливых земель — в 5 раз больше, чем за предыдущие 7 лет. Создан лесной защитный пояс длиной

⁴ Forestry Institute Graduates // Peking Review. 1962. Vol. 5, no. 47-48. P. 36.

⁵ Moving Desert Halted // Peking Review. 1964. Vol. 7, no. 9. P. 23.

³ 人民日报 [Жэньминь жибао]. 1959. 2.03.

более 1500 км — две трети от запланированного. На севере провинции *Шанси* (山西) почти завершены лесопосадки защитного пояса длиной в 300 км. В *Коридоре Хэси* (河西走廊) начиная с 1956 г. высажены сотни тысяч деревьев для защиты от опустынивания. Для рассеивания семян деревьев и кустарников привлекались самолеты в *Синьцзяне*, *Шанси* и *Ганьсу*. Массовые лесопосадки осуществляло население *Синьцзяна*. Так, к 1957 г. произведены посадки на площади 16,4 тыс. га, в 1958 г. — еще на 6,6 тыс. га⁶. В 1957 г. Министерство лесопосадок провинции *Ганьсу* выработало план, согласно которому в 1958 г. развернулась грандиозная компания, в которой приняло участие более миллиона человек. В результате создана новая «зеленая стена» протяженностью 1 600 км длиной и 1,5 км шириной — ответвление от главной «зеленой стены» длиной в 5 000 км и площадью 3,2 тыс. км² [11].

Со второй половины 1950-х гг. китайское правительство предприняло энергичные меры по ирригационному обустройству бассейна реки *Тарим* (塔里木河) *Синьцзян-Уйгурского АР*, реки, являющейся собой главную ось внутренней водной системы региона. Вследствие жаркой погоды и грунтового просачивания, река общей длиной 1321 км — маловодна, очень мутна, часто меняет русло и теряется в пустыне. Летом 1956 — зимой 1957 г. сюда приехали тысячи людей, которые поселились в палатках и принялись строить систему каналов (главный — длиной 75 км), канав, а также два огромных резервуара [12]. За три года жизнь в районе кардинально изменилась: появились фермы, дороги, мосты, новый город *Алар* (阿拉尔)⁷ с населением более 150 тыс. чел. (на 2003 г.), проложена дорога *Аксу* (阿克苏) — *Алар*. Несмотря на то, что уже с первых лет китайское правительство уделяло большое внимание борьбе с пустыней и озеленению, подлинно национальной стратегией страны они стали с наступлением реформы и политики открытости в 1978 г. [13].

Борьба с пустыней и стратегия озеленения в КНР на современном этапе. Как известно, экономические реформы в КНР начались в сельском хозяйстве — на основе стихийного массового перехода крестьян на контрактную систему семейных подрядов в 1978–1984 гг. [1, с. 266–270]. Реформа в лесном хозяйстве Китая началась позже, но также стихийно: в мае 1998 г. в провинции *Фуцзянь* (福建) селении *Хунтянь* (洪田镇), город-

ского округа *Юньань* (永安) крестьяне «поделили» между хозяйствами поросшую лесом гору. В апреле 2006 г. в провинции *Хэйлунцзян* произошел прецедент заключения первого в стране контракта на аренду на 50 лет участка леса площадью 9,3 га за ¥62,6 тыс. с целью организации коммерческого лесного хозяйства. При заключении контракта бизнесмен выразил уверенность, что через 10–20 лет сможет получать как минимум десятки тысяч юаней в год прибыли. Данный эксперимент предусматривал передачу в частные руки 80 тыс. га земель при максимальном размере одного участка в 10 га леса [14].

8 июня 2008 г. ЦК КПК и Госсовет совместно опубликовали «Мнения по поводу ускорения всесторонней реформы системы коллективных прав лесного хозяйства», которые предусматривали передачу лесных угодий в собственность семей с заключением контракта на 70 лет с правом дальнейшего продления. В последующие годы передача лесных участков в длительную аренду приобрела массовый и организованный характер [15]. Кроме того, в стране был развернут ряд проектов по борьбе с пустыней и озеленению страны.

Первый проект. День посадки деревьев (植树节, *чжишу цзие*). В КНР день посадки деревьев проводится ежегодно 12 марта в память дня кончины доктора *Сунь-Ятсена* (孙逸仙, 1866–1925), первого президента Китайской Республики, одного из наиболее почитаемых политических деятелей страны. Д-р *Сунь* придавал большое внимание развитию лесного хозяйства страны и основал *Министерство сельского и лесного хозяйства*. В 1914 г. опубликован первый закон лесоводства. В июле 1915 г. правительство объявило *День поминовения усопших* (清明节, *праздник чистого света*), который выпадал на 5 или 6 апреля, ставший ежегодным Национальным днем посадки деревьев. Д-р *Сунь Ятсен* умер 12 марта 1925 г. Через три года эту дату начали отмечать в качестве «Дня посадки деревьев». 23 февраля 1978 г. Шестое собрание Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (全国人民代表大会常务委会员会) третьего созыва приняло закон, определяющий 12 марта в качестве Национального дня посадки деревьев. Согласно закону, каждый гражданин КНР в возрасте 11–60 лет (если позволяет состояние здоровья) обязан высаживать 3–5 деревьев, либо выполнять равноценные работы (культивация, посадка цветов, сеяние, прополка, обрезка кустов

⁶ Taming the Desert // Peking Review. 1958. Vol. 11, no. 37. P. 5.

⁷ По-тюркски — *Арал*.

и веток деревьев, выращивание саженцев и т.п.). Архитектор китайских реформ Дэн Сяопин (邓小平, 1904-1997) являлся активным проводником добровольческого движения лесопосадок. Ежегодно 12 марта на протяжении 11 лет, до достижения 85-летнего возраста, он вместе со своей семьей высаживал саженцы сосен и кипарисов на горе Юйцюаньшань (玉泉山, гора Нефритового источника) к западу от Пекинского ботанического сада. Дэн Сяопин, в частности, предложил производить лесопосадки в Китае путем рассеивания семян деревьев при помощи авиации [16].

Второй проект. Создание лесозащитного пояса на северо-западе и севере Китая (三北防护林, The Tree-North Shelterbelt Development Program), получивший название «Китайская зеленая стена». Проект запущен в 1978 г. Лесопосадки распространяются на 4 480 км с востока на запад и от 560 км до 1 460 км с севера на юг. Они начинаются в уезде Бин (宾县) провинции Хэйлуцзян (黑龙江) на востоке и кончаются у перевала Узбел (乌孜别里山口) Синьцзян-Уйгурского автономного района (新疆维吾尔自治区) на западе страны. Лесозащитный пояс проходит параллельно государственной границе на севере страны через 590 уездов и 13 провинций, автономных районов и муниципалитетов на площади 4 069 млн км², что составляет 42,4 % территории страны. Завершение проекта планируется к 2050 г.

Третий проект. Проект по контролю источников песчаных бурь Пекин-Тяньцзинь. Зона данного проекта простирается от объединенного хошуна⁸ Дархан-Муминган (达尔罕茂明安联合旗) на западе Внутренней Монголии до хошуна Ар-Хорчин (阿鲁科尔沁旗) на востоке Внутренней Монголии, а также от уезда Дайсянь (代县) провинции Шэнси (陕西省) на Юге и до хошуна Восточный Уджимчин (东乌珠穆沁旗) на севере Внутренней Монголии. Проект охватывает 138 уездов и хошунов в провинциях Хэбэй (河北), Шанси (山西), Шэнси (陕西) и Внутренней Монголии на площади 707 тыс. км² из которых песчаные территории занимают 202,2 тыс. км². Проект территориально входит в «Китайскую зеленую стену», но имеет особую значимость в связи с защитой от пыльных бурь Пекина и Тяньцзиня. Проект стартовал в июне 2000 г. и ныне осуществляется в два этапа: 1) 2001–2012 гг. и 2) 2013–2022 гг. За прошедшие 20 лет осуществления проекта удалось значительно улуч-

шить экологическую среду в районах китайской столицы и муниципалитета Тяньцзиня, а также достигнуть существенных экономических выгод. Уровень лесного покрова в районах борьбы с пустыней увеличился с 10,59 % в 2000 г. до 18,67 % в 2019 г. Количество дней, в течение которого качество воздуха в Пекине соответствует стандартным нормам, увеличилось с 177 дней в 2000 г. до 240 дней в 2019 г. Число ежегодных песчаных бурь в Пекине сократилось с 13 в начале проекта до 2–3 — в настоящее время. Проект помог сократить бедность местного населения посредством выращивания растений и лекарственных трав, предназначенных для продажи, а также при осуществлении лесоводческих работ. Так, например, культивируя на новых посадках облепиху в уезде Юю (右玉县) на северо-западе провинции Шаньси и обрабатывая ее на 12 предприятиях, удалось достигнуть годового производства свыше ¥300 млн (\$44 млн).

Герои лесопосадок высоко почитаются в Китае. «Герой первого поколения лесорубов КНР» — Ма Юншунь (马永顺, 1914–2000) применил метод экономной рубки деревьев, установив рекорд — 1 200 м³ годовой вырубki вручную. Методы работы Ма были внесены в учебники по лесоведению. 26 октября 1959 г. на Национальном собрании героев, которое состоялось в только что возведенном грандиозном Доме народных собраний (人民大会堂) — здании Всекитайского собрания народных представителей, ВСНП (全国人民代表大会), т.е. парламента КНР⁹, премьер Чжоу Эньлай (周恩来, 1898–1976), пожимая руку народного героя, сказал: «Являясь лесорубом, вы должны не только выдавать как можно больше древесины для обеспечения народного строительства, но и улучшать среду, высаживая молодые деревца для озеленения и неисчерпаемости наших лесов». Выйдя на пенсию в 1982 г., Ма Юншунь решил посадить больше деревьев, чем он вырубил за свою жизнь (35 тысяч) в лесах хребта

⁹ На мероприятии присутствовали 4 576 героев труда. Строительство Дома народных собраний является объектом заслуженной гордости Китая. Грандиозное здание, зал конференций которого вмещает 10 тыс. чел., а банкетный зал — 5 тыс. чел., было возведено на западной стороне площади Тяньаньмэнь (天安门广场) примерно за 300 дней. 28 и 29 сентября 1959 г. здесь были проведены торжества открытия, приуроченные к 10-летию образования КНР: с приветственной речью выступил председатель КНР Лю Шаоци (刘少奇, 1898-1969), от советской правительственной делегации — М.А. Сулов, (1902–1982). 30 сентября в банкетном зале состоялась торжественный ужин, на котором с речью выступили Чжоу Эньлай и Н.С. Хрущев (1894–1971), только что вернувшийся из первой поездки в США (15–27 сентября).

⁸ Хошун: «знамя» (旗, цзи) — административно-территориальная единица в АР Внутренняя Монголия. Соответствует уезду.

Малого Хингана (小兴安岭) провинции Хэйлунцзян. Однако к 1991 г., когда ему исполнилось 78 лет, Ма не высадил еще и тысячи саженцев. Тогда Ма призвал на помощь 15 членов своей семьи в трех поколениях и к 1999 г. было высажено около 50 тыс. деревьев. Ма Юньшунь являлся депутатом десятого (1973 г.) и одиннадцатого (1977 г.) съездов КПК, а также второго (1959–1964 гг.) и третьего собраний ВСНП (1964–1975 гг.). В 1998 г. был награжден премией Программы ООН по окружающей среде.

Другой герой — Ши Гуанинь (石光银, род. в 1952 г.), фермер из деревни Сыдахао (四大号村) уезда Динбянь (定边县) городского округа Юйлинь (榆林) на северо-западе провинции Шэньси (陕西) в возрасте 20 лет занялся массовой посадкой деревьев для предотвращения опустынивания. Местные жители начали бороться с нашествием песков с 1950-х гг., высаживая деревья. В 1974 г. для борьбы с опустыниванием было создано ополчение из 54 девушек (средний возраст — 18 лет). Со временем к ним присоединились еще более 380 девушек. Начальник девичьего ополчения, Ши Гуанинь, вспоминал, как однажды отряд весь день высаживал молодые деревца под палящим солнцем, но ночью налетевшая буря сдула все саженцы. Девушки плакали, но затем вновь выкопали ямки и посадили пострадавшие деревца.

В 1984 Ши Гуанинь перевез свою семью в пустынную местность, где вместе с семьей фермерами основал первую в стране компанию по контролю пустыни (*Shiguangyin Sand Control Company*), получив первый в стране контракт на 15,2 тыс. га пустыни, на которых за 30 лет высадил и выходил более 53 млн деревьев, создав зеленый стокилометровый заградительный пояс на юге пустыни Му Ус (毛乌素沙漠, маоусу шамо)¹⁰, одной из восьми крупнейших пустынь, расположенных между городским округом Юйлинь и городским округом Ордос (鄂尔多斯) на севере Внутренней Монголии в 563 км к западу от Пекина. В те годы 56,1 % территории Юйлинь были покрыты пустыней, а площадь лесов занимала 0,9 %.

Поначалу Ши Гуаниню приходилось нелегко. Он продал свой домашний скот, взял кредит в

сельском кооперативе и на ¥120 тыс. (\$16,881 тыс.) закупил саженцы деревьев. На счастье, прошел обильный дождь и 85 % саженцев прижились. Бороться с пустыней Му Ус было легче, чем с иными пустынями. Она относительно невелика: лишь 1/8 по сравнению с территорией пустыни Такла-Макан (塔克拉玛干沙漠) на северо-западе Синьцзян-Уйгурского АР — самой крупной пустыни в Китае. В Му Ус выпадают осадки: от 250 до 400 мм в год, причем большинство — летом. Температура: от -10° ... -13° С в январе до $+17^{\circ}$... $+26^{\circ}$ С в июле (иногда, впрочем, до $+43^{\circ}$ С). В пустыне Такла-Макан выпадает лишь до 50 мм осадков в год и перепад температур здесь весьма некомфортный: от -25° С зимой до $+40^{\circ}$ С летом.

Первый успех Ши Гуаниня поднял его авторитет, и он заключил контракт на культивацию еще 39 км² пустыни, призвав на борьбу с ней еще около 500 чел. Однако на сей раз судьба оказалась не столь благосклонной: в первые два года большинство деревьев были повреждены пыльными бурями. Однако Ши Гуанинь не унывал: укреплял почву, высаживал кустарники для дополнительной защиты деревьев. На сей раз выжили 89 % саженцев. К 2019 г. он преобразовал 167 км² пустыни Му Ус. В дополнение к лесопосадкам Ши Гуанинь организовал животноводство и культивацию картофеля. В 2000 г. в районе появилась новая деревня (председателем комитета КПК, в которой стал Ши), в которую начали переселяться люди из других местностей. Появились дороги, водопровод, интернет [17]. За выдающиеся заслуги и в честь столетия КПК, которое отмечалось в 2021 г., Ши Гуанинь награжден высшей наградой членов КПК «Медалью 1-го июля»¹¹.

Пример Ши Гуаниня отнюдь не единичен. Подобную историю можно поведать о деревне Маотуань (毛团村) округа Юйлинь, в которой Го Чэнван (郭成旺, род. в 1921 г.), получив в 1985 г. контракт на рекультивацию пустыни около своей деревни, принялся высаживать тополя. После выхода Го на пенсию дело продолжили его дети, которые вместо тополей начали высаживать сосны и яблони. Округ Илинь ныне превратился в крупную овощную и фруктовую базу страны. Здесь процветает овощеводство и животноводство, крупнейший центр по выращиванию картофеля, который реализуется не только в Китае, но и идет на экспорт. По большому счету можно сказать: Му Ус прекратила свое существование в качестве пустыни.

¹¹ 人民日报. 2021. 1.07.

¹⁰ Му ус (монг.) — «Плохая вода». В древние времена пустыни здесь не было. Напротив, территория славилась великолепными пастбищами и обильными реками — идеальное место для выпаса скота. Деграция земель началась во время династии Тан (唐朝, 618–907) при активном развитии земледелия [1, с. 97–106]. На середину 2020 г. 42 200 км², которые ранее занимала пустыня, более 94 % превратилась в оазис. По южной границе Му Ус проходит Великая Китайская стена.

В последние годы Китай вошел в шестерку ведущих стран мира, богатых лесом. Так, по площади лесной поверхности КНР занимает пятое место (2,90 млн км²) после России (8,09 млн км²), Бразилии (4,94 млн км²), Канады (3,47 млн км²) и США (3,10 млн км²). По запасам древесины Китай — на шестом месте в мире (17,5 млрд м³) после Бразилии (96,7 млрд м³), России (81,5 млрд м³), США (40,7 млрд м³), Народной Республики Конго (31,1 млрд м³) и Канады (32,9 млрд м³)¹².

С 1973 г. в Китае проводятся регулярные обследования лесов. На рис. 2 показана динамика увеличения лесной поверхности в КНР, с 1973 по 2018 г. по результатам девяти обследований.

Каждый пятилетний план социально-экономического развития КНР предусматривает увеличение показателя доли лесной поверхности на территории страны. Так, по плану одиннадцатой пятилетки (2006–2010) на 2010 г. была предусмотрена планка в 20 %; по плану двенадцатой пятилетки (2011–2015) на 2015 г. — 21,66 %; по плану тринадцатой пятилетки (2016–2020) на 2020 г. — 23,04 %. План нынешней, четырнадцатой пятилетки (2021–2025) предусматривает на 2025 г. покорение отметки 24,1 %. Следует отметить, что при разработке проекта «Китайской зеленой стены» в 1978 г., предус-

матривалось, что при его завершении в 2050 г. поверхность лесного покрова страны составит 26 % и на этом стабилизируется. Однако не трудно предвидеть, что на достижении планки 26 % китайские власти останавливаться не станут тем более, что по данному показателю стране еще далеко до мирового чемпионского титула. Так, в России площадь лесной поверхности в настоящее время превышает 45 % территории страны.

Китайские ученые ведут интенсивные сравнительные исследования в области озеленения и борьбы с пустынями на региональном уровне [18].

Большая работа в Китае ведется также в области защиты и реставрации лугов и пастбищ. Об этом 20 августа 2021 г. говорил *Тан Фанлинь* (唐芳林, род. в 1965 г.) директор Департамента управления пастбищами Государственного управления лесного и пастбищного хозяйства (国家林业和草原局草原管理司司长), отметив, что ныне в стране 70 % лугов и пастбищ находятся в неудовлетворительном мелиоративном состоянии. В течение 14-й пятилетки (2021–2025) предусмотрено восстановить 15,3 млн га неблагоприятных лугов и пастбищ и тем самым к 2025 г. стабилизировать и восстановить до 57 % площади лугопастбищных угодий страны¹³. Для сравнения: в России лугопастбищные угодья составляют 91 млн га, большинство из которых пребывает в неудовлетворительном мелиоративном состоянии [19].

¹² Forest Resources in China — the 9th National Forest Inventory. Beijing, National Forestry and Grassland Administration, 2019. 17 p.

¹³ Агентство Синьхуа. 2021. 20 авг.

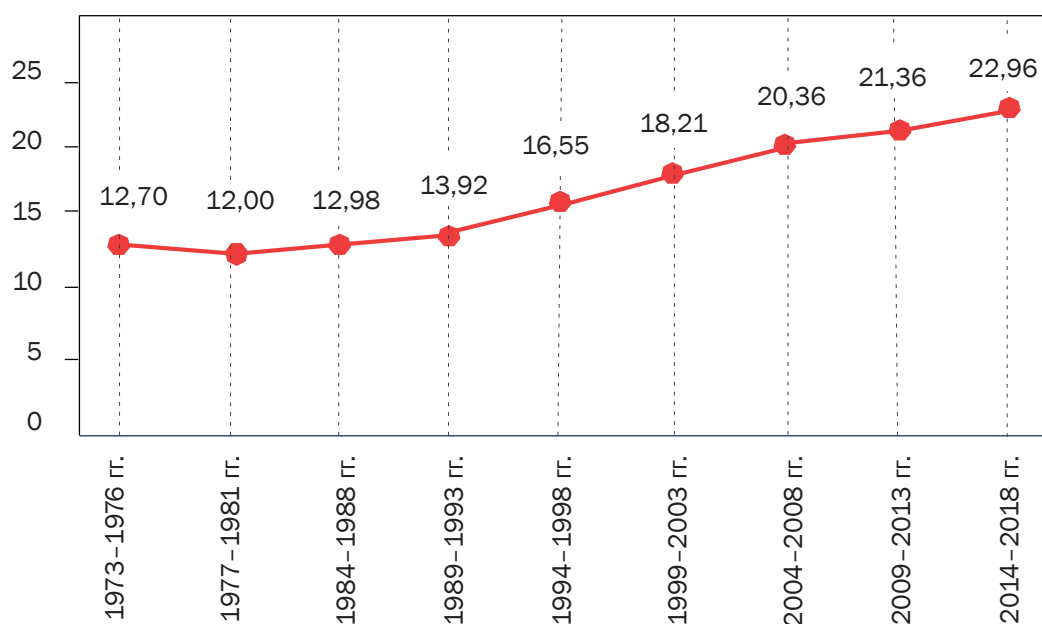

Рис. 2. Изменение доли лесного покрова на территории КНР по результатам девяти обследований, 1973–2018 гг., в %

Источник: Forest Resources in China — the 9th National Forest Inventory. Beijing, National Forestry and Grassland Administration, 2019. 17 p.

Список использованной литературы

1. Селищев А.С. Экономика Китая : учеб. пособие / А.С. Селищев, Н.А.Селищев. — Москва : КНОРУС, 2021. — 406 с.
2. Han Lin. *Living Green China's Forests* / Han Lin. — Beijing : Foreign Language Press, 2009. — 120 p.
3. 刘彦威. 中国古代的护林和造林//北京林业大学学报(社会科学版). 第3卷第4期. 2004年12月. 25-29页. [Лю Яньвэй. Лесозащита и лесопосадки в древнем Китае / Лю Яньвэй // Журнал Пекинского университета лесного хозяйства (социальные науки). — 2004. — Т. 3, № 4. — С. 25–29].
4. Li Li. *Green Great Wall* / Li Li // *Beijing Review*. — 2013. — Vol. 56, no. 47. — P. 30–33.
5. Yin Pumin. *Sands of Time Running Out* / Yin Pumin // *Beijing Review*. — 2005. — Vol. 48, no. 24. — P. 24–26.
6. Zhang Chunxia. *Challenging the Deserts* / Zhang Chunxia. — Beijing : Foreign Language Press, 2006. — 116 p.
7. Ганшин Г.А. Экономика Китайской Народной Республики / Г.А. Ганшин. — Москва : Изд-во ИМО, 1959. — 362 с.
8. Li Fang. *State Forest Plantations* / Li Fang // *Peking Review*. — 1961. — Vol. 4, no. 30. — P. 11–12.
9. Li Fang. *Shelter Belts in China's Northeast* / Li Fang // *Peking Review*. — 1961. — Vol. 4, no. 21. — P. 16–17.
10. Hu Ku-Yueh. *Turning the Whole Country Green* / Hu Ku-Yueh // *Peking Review*. — 1958. — Vol. 1, no. 8. — P. 14–15.
11. Chen Po-san. *China's Second "Great Wall"* / Chen Po-san // *Peking Review*. — 1958. — Vol. 1, no. 40. — P. 12–13.
12. Liu Cho-Tang. *New oases in Sinkiang* / Liu Cho-Tang // *Peking Review*. — 1959. — Vol. 2, no. 25. — P. 13–15.
13. 张仁健, 周家茂, 曹军骥. 中国沙漠化及其防治 // 期 中国粉体技术2007年第1. 页1-5. [Чжан Жэньцзянь. Борьба с опустыниванием в Китае / Чжан Жэньцзянь, Чжоу Цзямао, Цао Цзюньци // Китайская порошковая технология. — 2007. — № 1. — С. 1–5].
14. Jing Xiaowei. *Saving the Forests* / Jing Xiaowei // *Beijing Review*. — 2006. — Vol. 49, no. 43. — P. 40–41.
15. Xu Jintao. *China's Forest Tenure Reforms. Impacts and Implications for choice, conservations and Climate Change* / Xu Jintao, White Andy, Lele Uma. — Washington, 2010. — 20 p.
16. 李学林, 叶梦云. 论邓小平飞播造林及其对中国当代林业的影响 // 攀枝花学院学报. 第34卷第4期. 2017年7月. 页18-22. [Ли Сюэлинь. Воздушные лесопосадки, предложенные Дэн Сяопином и их влияние на современное лесное хозяйство Китая / Ли Сюэлинь, Е Мэньюнь // Журнал Университета Паньчжихуа. — 2017. — Т. 34, № 4. — С. 18–22].
17. Ji Jing. *When the Desert Sands Run Out* / Ji Jing // *Beijing Review*. — 2020. — Vol. 63, no. 22. — P. 28–29.
18. 梅浩. 中国省域人工造林成效动态综合评价及影响因素分析 // 生态学杂志. — 2019. — Vol. 38, no. 12. — P. 3577–3584. [Мэй Хао. Всесторонняя динамическая оценка факторов эффективности лесопосадок китайских регионов / Мэй Хао // Журнал экологии. — 2019. — № 38 (12). — С. 3577–3588].
19. Савченко И.В. Состояние и перспективы развития луговодства в Российской Федерации / И.В. Савченко // Роль культурных пастбищ в развитии молочного скотоводства Нечерноземной зоны России в современных условиях : сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Ларетина, А.А. Кутузовой, В.М. Косолапова. — Москва, 2010. — С. 5–10.

References

1. Selishchev A.S., Selishchev N.A. *China's Economy*. Moscow, KNORUS Publ., 2021. 406 p.
2. Han Lin. *Living Green China's Forests*. Beijing, Foreign Language Press, 2009. 120 p.
3. Liu Yanwei. Forest protection and afforestation in ancient China. *Běijīng lín yè dà xué xué bào (shè huì kē xué bǎn)* = *Journal of Beijing Forestry University (Social Sciences)*, 2004, vol. 3, no. 4, pp. 25–29. (In Chinese).
4. Li Li. *Green Great Wall*. *Beijing Review*, 2013, vol. 56, no. 47, pp. 30–33.
5. Yin Pumin. *Sands of Time Running Out*. *Beijing Review*, 2005, vol. 48, no. 24, pp. 24–26. (In Chinese).
6. Zhang Chunxia. *Challenging the Deserts*. Beijing, Foreign Language Press, 2006. 116 p.
7. Ganshin G.A. *Economy of the People's Republic of China*. Moscow, IMO Publ., 1959. 362 p.
8. Li Fang. *State Forest Plantations*. *Peking Review*, 1961, vol. 4, no. 30, pp. 11–12.
9. Li Fang. *Shelter Belts in China's Northeast*. *Peking Review*, 1961, vol. 4, no. 21, pp. 16–17.

10. Hu Ku-Yueh. Turning the Whole Country Green. *Peking Review*, 1958, vol. 1, no. 8, pp. 14–15.
11. Chen Po-san. China's Second "Great Wall". *Peking Review*, 1958, vol. 1, no. 40, pp. 12–13.
12. Liu Cho-Tang. New oases in Sinkiang. *Peking Review*, 1959, vol. 2, no. 25, pp. 13–15.
13. Zhang Renjian, Zhou Jiamao, Cao Junji. Desertification and its prevention and control in China. *Zhōngguó fěn tǐ jìshù = Chinese powder technology*, 2007, no. 1, pp. 1–5. (In Chinese).
14. Jing Xiaowei. Saving the Forests. *Beijing Review*, 2006, vol. 49, no. 43, pp. 40–41.
15. Xu Jintao, White Andy, Lele Uma. *China's Forest Tenure Reforms. Impacts and Implications for choice, conservations and Climate Change*. Washington, 2010. 20 p.
16. Li Xuelin, Ye Mengyun. On Deng Xiaoping's Flying Planting of Afforested Land and its Influence on Contemporary Chinese Forestry. *Pānzhīhuā xuéyuàn xuébào = Journal of Panzhihua University*, 2017, vol. 34, no. 4, pp. 18–22. (In Chinese).
17. Ji Jing. When the Desert Sands Run Out. *Beijing Review*, 2020, vol. 63, no. 22, pp. 28–29.
18. Hiroshi Ume. Comprehensive evaluation of the dynamics of the effectiveness of artificial afforestation in Chinese provinces and regions and analysis of influencing factors. *Shēngtài xué zázhi = Chinese Journal of Ecology*, 2019, vol. 38, no. 12, pp. 3577–3584. (In Chinese).
19. Savchenko I.V. Current state and prospects of grassland development in the Russian Federation. In Laretin N.A., Kutuzova A.A., Kosolapov V.M. (eds). *The Role of Cultural Pastures in the Development of Dairy Cattle Breeding in the Non-Black Earth Zone of Russia in Modern Conditions*. Moscow, 2010, pp. 5–10. (In Russian).

Информация об авторе

Селищев Александр Сергеевич — доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: selishchev@yandex.ru.

作者信息

Aleksander S. Selishchev — 经济学博士，教授，圣彼得堡，俄罗斯联邦，邮箱: selishchev@yandex.ru.

Author

Aleksander S. Selishchev — D.Sc. in Economics, Professor, Saint-Petersburg, Russian Federation, e-mail: selishchev@yandex.ru.

Для цитирования

Селищев А.С. Опыт Китая по борьбе с опустыниванием и озеленению страны: история, итоги и перспективы / А.С. Селищев. — DOI 10.17150/2587-7445.2021.5(3).168-178 // Российско-китайские исследования. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 168–178.

For Citation

Selishchev A.S. China's Experience in Combating Desertification and Greenifyng the Country: History, Outcomes and Prospects. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 168–178. (In Russian). DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).168-178.

УДК 339.5/.9(510+571.6)

DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).179-184

Значение пограничных пунктов пропуска товаров Внутренней Монголии для развития трансграничных связей КНР

В.О. Намжилова

Бурятский научный центр,
Сибирское отделение Российской
академии наук,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация

Дата поступления:

27.09.2021

Дата принятия к печати:

29.11.2021

Дата онлайн-размещения:

29.12.2021

Аннотация. В статье рассматривается система действующих пограничных пунктов пропуска крупного региона на севере Китая — Автономного района Внутренняя Монголия. Автор подчеркивает растущую значимость сухопутных пунктов пропуска Маньчжурия и Эрлянь, через которые не только проходит все многообразие товаров российско-китайской и китайско-монгольской торговли, но и обеспечивается международный транзит. Остальные пункты пропуска, напротив, приобретают узкую специализацию или имеют локальное значение для приграничных территорий. Развитие пограничных пунктов пропуска, таких как Сэхэ, Ганцмод и Мандал, связано исключительно с освоением месторождений полезных ископаемых на юге Монголии и их последующим вывозом в Китай. В условиях пандемии страны вынуждены усиливать барьерную функцию границ, ужесточая карантинные меры, что непосредственно оказывает влияние на работу пограничных пунктов пропуска.

Представленная информация о пограничных пунктах Внутренней Монголии, может стать основой для анализа возможностей Китая развивать торговое сотрудничество через границы Внутренней Монголии.

Ключевые слова. Пункты пропуска, Маньчжурия, Эрлянь, российско-китайская торговля, монголо-китайская торговля, железнодорожные контейнерные перевозки.

内蒙古口岸对发展中华人民共和国跨境关系的作用

V.O. Namzhilova

俄罗斯科学院西伯利亚分院布里亚特科学中心,
乌兰乌德市, 俄罗斯联邦

结稿日期: 2021年9月27日

出版日期: 2021年11月29日

网上出版日期: 2021年12月29日

摘要: 该文章研究中国内蒙古自治区的边境检查站运作系统。作者强调满洲里和二连的陆路检查站日益增加的重要性, 通过这些检查站不仅让俄中、中蒙贸易的各种货物运送, 还提供国际过境运输。相反, 其他口岸会变成狭隘专门领域的检查站, 对边境地区具有当地重要性。Sehe、Gantsmod 和 Mandal 等口岸的发展与开发蒙古南部矿藏的地区以及把矿物到中国的出口有密切的关系。在疫情情况下, 各国更加严格对边境的屏障功能, 加强检疫措施, 这都直接影响到边境检查站的工作。

介绍内蒙古边境口岸的信息可作为分析中国通过内蒙古边境贸易发展合作的依据。

关键词: 口岸, 满洲里, 二连, 俄中贸易, 蒙中贸易, 铁路集装箱运输。

The Importance of Border Checkpoints of Goods of Inner Mongolia for the Development of Cross-Border Relations of People's Republic of China

V.O. Namzhilova

Buryat Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

Received: 2021 September 27

Accepted: 2021 November 29

Available online: 2021 December 29

Abstract. The article considers the system of operating border checkpoints of a large region in the north of China - the Inner Mongolia Autonomous Region. The author emphasizes the growing importance of the Manchuria and Erlian land checkpoints, through which not only the whole variety of goods of Russian-Chinese and Chinese-Mongolian trade passes, but also international transit is provided. The remaining checkpoints, on the contrary, acquire a narrow specialization or have local significance for border territories. The development of border checkpoints, such as Sehe, Ganzmod and Mandal, is associated exclusively with the development of mineral deposits in the south of Mongolia and their subsequent export to China. In the context of a pandemic, the countries are forced to strengthen the barrier function of borders by tightening quarantine measures, which affects directly the operation of border checkpoints.

The information provided on the border points of Inner Mongolia can become the basis for analyzing China's opportunities to develop trade cooperation across the borders of Inner Mongolia.

Keywords. Checkpoints, Manchuria, Erlian, Russian-Chinese trade, Mongolian-Chinese trade, rail container transportation.

Автономный район Внутренняя Монголия, располагаясь на северных рубежах Китая, имеет одну из самых протяженных пограничных линий в стране — более 4 200 км, из них граница с Монголией составляет 3 193 км, с Россией — 1 067 км. По территории автономного района проходят автомагистрали национального значения G6, G7 и G110, а также железнодорожная линия Пекин–Баотоу–Ланьчжоу — основные транспортные коридоры и узлы, открывающие для восточных приморских провинций и столичного региона дорогу на запад. Внутренняя Монголия играет ключевую роль в обеспечении внешней торговли между Китаем и Россией, поскольку здесь функционирует крупнейший на китайско-российской границе сухопутный пункт пропуска Маньчжурия (Маньчжоули). Кроме того, транспортные маршруты через пункты пропуска Маньчжурия и Эрлянь являются одними из самых удобных для трансконтинентальных грузоперевозок между Европой и Азией.

С начала политики реформ реализуется стратегический ориентир — превращение АРВМ в форпост (цяотоубао) открытости Китая в северном направлении. Первые шаги по обеспечению внешней открытости автономного района

были сделаны в 1992 г. в рамках общенациональной политики развития приграничного пояса: в число 14 приграничных городов Китая, которым были присвоен статус открытых, вошли Маньчжурия и Эрлянь. В 2000-х гг. экономическое и стратегическое значение этих пунктов пропуска в масштабах страны значительно возросло: через Маньчжурию стали проходить до 65 % сухопутных грузов российско-китайской торговли, через Эрлянь — до 95% китайско-монгольского товарооборота.

Инициатива создания Экономического пояса Шелкового пути еще более актуализировала тему трансграничных взаимосвязей. Уникальные возможности для развития внешней открытости АРВМ были подчеркнуты в ходе инспекционной поездки председателя КНР Си Цзиньпина в 2014 г. С анонсированием создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия планировалось ежегодно расходовать 1,5 млрд юаней на развитие инфраструктуры пунктов пропуска АРВМ¹. Рас-

¹ Нэй Мэнгу: коуань вэй чжидянь жунжу «и дай и лу» [Внутренняя Монголия: порты как опорные точки «одного пояса — одного пути»]. URL: <http://finance.northnews.cn/2015/0814/1995949.shtml>.

смаывая приграничные пункты АРВМ как ключевое звено в развитии трехстороннего экономического коридора, в крупнейших из них Китай намерен создать зоны трансграничного экономического сотрудничества [1]. Примечательно, что государство инвестирует не только в крупнейшие переходы Маньчжурия и Эрлянь, но и малые, динамично развивающиеся пункты пропуска.

На сегодняшний день на территории АРВМ действуют 4 воздушных порта (Хух-Хото, Маньчжурия, Хайлар, Ордос²) и 13 пограничных пунктов пропуска, из них 4 — на границе с Россией, 9 — на границе с Монголией (табл.).

В последние годы выделяются следующие особенности развития пунктов пропуска АРВМ: расширение пропускной способности, повышение статуса, определение специализации. Отмечается своеобразная специализация пунктов пропуска на границе с Монголией: Эрлянь и Зун-Хатавч планируется развивать как пункты пропуска, имеющие выход к морю; Сэхэ, Ганцмод и Мандал — как ключевые узлы ресурсных коридоров (имеется в виду поставка угля, меди и других ресурсов из Монголии); Аршан, Ар-Хашат и Овдог будут ориентированы на обслуживание туристических потоков.

Маньчжурия и Эрлянь в системе грузоперевозок. Крупнейшие пункты пропуска на российско-китайской и монголо-китайской границе — Маньчжурия и Эрлянь, — становятся ключевыми

² Оэрдосы гоцзи ханкун коуань чжэнши дуйвай кафй-ан [Официально открыт международный воздушный порт Ордос] // ИА «Нэймэнгу синьвэньван». URL: <http://inews.nmgnews.com.cn/system/2016/11/30/012202202.shtml>.

узлами в системе обеспечения евразийских грузоперевозок, поскольку через них проходят международные транспортные коридоры. Развертывание транспортно-логистических проектов в рамках реализации китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути привело к взрывному росту трансконтинентальных железнодорожных перевозок с использованием контейнеров, выгодно отличающихся скоростью доставки по сравнению с морскими перевозками. Количество контейнерных поездов, прошедших через Эрлянь в 2020 г., составило 2 379, через Маньчжурию — 3 079³.

На рынке контейнерных перевозок специальными поездами «Китай — Европа» северные направления через Эрлянь и Маньчжурию представляют альтернативу маршрутам через пункты пропуска Казахстана, хотя и значительно уступают им. Уже начато курсирование международных контейнерных поездов «Хух-Хото — Франкфурт», «Тяньцзинь — Маньчжурия — Европа», «Сучжоу — Маньчжурия — Европа», «Гуанчжоу — Маньчжурия — Европа». На сегодняшний день через Маньчжурию и Эрлянь проходят железнодорожные маршруты, охватывающие более шестидесяти китайских городов, где формируется база контейнерных грузов: от Чжэнчжоу и Чэнду в центре Китая до приморских городов Сямэнь, Шанхай, Яньтай, Циндао, Далянь.

Узкоспециализированные пункты пропуска. Если через железнодорожные и автомобильные пункты пропуска Маньчжурия и Эрлянь проходят

³ По данным сайта Народного Правительства г. Эрлянь: URL: <http://www.elht.gov.cn/dtzh/kadt>.

Система действующих пограничных пунктов пропуска на территории АРВМ

№ п/п	Пункт пропуска		Вид
	АРВМ	Российская Федерация	
1	Маньчжурия	Забайкальск (Забайкальский край)	железнодорожный
2	Маньчжурия	Забайкальск (Забайкальский край)	автомобильный
3	Шивэй	Олочи (Забайкальский край)	автомобильный
4	Хэйшанью	Староцурухайтуйский (Забайкальский край)	автомобильный
	АРВМ	Монголия	
5	Эрлянь	Замын-Уд (Восточногобийский аймак)	железнодорожный
6	Эрлянь	Замын-Уд (Восточногобийский аймак)	автомобильный
7	Сэхэ (Цэкэ)	Шивээхурэн (Южногабийский аймак)	автомобильный

Окончание табл.

№ п/п	Пункт пропуска		Вид
	АРВМ	Российская Федерация	
8	Ганцмод	Гашун-Сухайт (Южногобийский аймак)	автомобильный
9	Мандал	Ханги (Восточногобийский аймак)	автомобильный
10	Зун-Хатавч	Бичигт (Сухбаатар аймак)	автомобильный
11	Ар-Хашат	Хавирга (Восточный аймак)	автомобильный
12	Аршан	Сумбэр (Восточный аймак)	автомобильный
13	Овдог	Баянхошуу (Восточный аймак)	автомобильный

самые различные грузы (железная руда, медный концентрат, древесина, продукция химической промышленности, продукты питания и контейнерные грузы), то отдельные пункты пропуска ориентированы исключительно на импорт монгольских полезных ископаемых в Китай. По мере освоения месторождений на юге Монголии грузопотоки через границу нарастают [2]. Так, через пункт пропуска Ганцмод на сталелитейные предприятия АРВМ завозится коксующийся уголь с месторождения Таван-Толгой, через пункт пропуска Сэхэ — уголь с месторождения Нарин-Сухайт. Ежедневно через эти пункты пропуска проходит несколько сотен фур, суммарный объем ввезенного угля через указанные пункты в 2019 г. превысил 36 млн. тонн. При этом проблемой становится низкая пропускная способность пунктов пропуска, вызывающая чрезмерное скопление грузов [3]. В этой связи согласовано строительство через границу железнодорожных веток, берущих начало в непосредственной близости от месторождений Нарин-Сухайт и Таван-Толгой [4].

Расширение системы пунктов пропуска. В дополнение к действующим пунктам пропуска планируется открытие пограничного перехода Улзий (с монгольской стороны — Цагаандэл Уул), также предназначенного для импорта угля с месторождения Таван-Толгой и территориально располагаемого между Сэхэ и Ганцмод. Хотя с китайской стороны порт Улзий был включен в список восьми новых сухопутных пунктов пропуска в рамках реализации национального «Плана по развитию пунктов пропуска на 11-ю пятилетку»⁴, Госсовет КНР утвердил создание постоян-

но действующего пункта пропуска Улзий только 31 января 2016 г.⁵ С монгольской стороны официальное решение о создании пункта пропуска Цагаандэл Уул было зафиксировано Постановлением Правительства Монголии № 46 от 21 февраля 2014 г.⁶. Летом 2019 г. было достигнуто соглашение о предоставлении китайской стороной гранта в размере 43 млрд тугриков (порядка 112 млн юаней) на строительство нового порта⁷.

Тема развития пограничных пунктов пропуска постоянно находится в повестке монголо-китайских переговоров. Значимый шаг в этом направлении сделан во время визита министра иностранных дел КНР Ван И в Монголию по приглашению монгольского коллеги Н. Энхтайвана (15–16 сентября 2020 г.). Стороны договорились о внесении поправок в «Соглашение о пунктах пропуска на монголо-китайской границе и их режимах», предусматривающих открытие трех железнодорожных пограничных переходов: Ганцмод — Гашуунсухайт, Сэхэ — Шивээхурэн и Зун-Хатавч — Бичигт⁸. Таким образом, ожидает-

⁵ Гоюань пивэнь туньи Улицзи коуань дуйвай кайфан [Госсовет одобрил открытие порта Улзий]. URL: <http://inews.nmgnews.com.cn/system/2016/02/19/011886342.shtml>.

⁶ Монгол Улсын Засгийн Газрын тогтоол. Дугаар 46. Хилийн зарим боомтын талаар авах арга хэмжээний тухай : [Постановлением Правительства Монголии № 46]. URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/9827>.

⁷ «Цагаандэл уул-Өлзий»-г хоёр улсын жишиг боомт болгоно [Цагаандэл-Уул — Улзий станет образцовым пунктом пропуска]. URL: <https://www.montsame.mn/en/read/194646>.

⁸ Монгол улсын гадаад харилцааны сайд Н. Энхтайван Бүгд найрамдах Хятад ард улсын төрийн зөвлөлийн гишүүн, гадаад хэргийн сайд Ван И нар хэлэлцээ хийв [Министр

⁴ Улицзи коуань (Порт Улзий). URL: <http://alashan.mofcom.gov.cn/article/gaikuang/201702/20170202523963.shtml>.

ся открытие новых железнодорожных переходов на границе Китая и Монголии, хотя их назначение, вероятнее всего, будет ограничено перевозкой минерального сырья [5].

Пункты пропуска в условиях пандемии. В 2020 г. неожиданные корректировки вносит пандемия COVID-19: при полном запрете на пассажирские перевозки между странами в чрезвычайном порядке были введены новые режимы и правила организации грузоперевозок автомобильным транспортом. В первую очередь, ужесточение карантинных мер (многократные проверки водителей фур, обработка транспорта) негативно сказалось на работе тех автомобильных пунктов пропуска АРВМ, через которые ввозится монгольский уголь. В 2020 г. ввезено всего 28,7 млн т угля, что значительно

меньше запланированных 40 млн. Напротив, железнодорожное грузовое сообщение в условиях пандемии продолжало осуществляться, объемы грузоперевозок поездами увеличились. Другими словами, в условиях распространения коронавирусной инфекции трансконтинентальные контейнерные перевозки сыграли стабилизирующую роль в обеспечении бесперебойной торговли, поскольку железнодорожный транспорт в меньшей степени оказался подвержен влиянию ограничительных мер⁹. Таким образом, закрытие государственных границ для пассажиропотоков и введение жестких ограничений на пересечение грузового автомобильного транспорта значительно повлияли на работу пунктов пропуска АРВМ.

иностранных дел Монголии Н. Энхтайван провел переговоры с министром иностранных дел КНР Ван И]. URL: <http://www.mfa.gov.mn/?p=52170>.

⁹ Чжуноу баньле чэн гоцзи гунинянь чжуньяо чжичжан (Поезда Китай — Европа становятся важной опорой для международных цепей поставок) // http://www.xinhuanet.com/world/2020-05/18/c_1125997500.htm (дата доступа 16.10.2020).

Список использованной литературы

1. 杨臣华. 中蒙俄经济走廊：走实走深合作共赢 [Ян Чэньхуа. Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: продвижение взаимовыгодного сотрудничества / Ян Чэньхуа] // Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: дорожная карта : сб. материалов III междунар. форума Ассоциации экспертных центров Китая, Монголии и России, Улан-Удэ, 18–22 сент. 2017 г. / отв. ред. Б.В. Базаров, Ян Чэньхуа. — Улан-Удэ, 2017. — С. 14–17.
2. Оюун. Монгол-Хятадын худалдаа, эдийн засгийн хамтын ажиллаганы зарим асуудлын тухайд [Проблемы монголо-китайского торгово-экономического сотрудничества] / Оюун // Олон Улс Судлал. — 2018. — № 1. — С. 81–101.
3. Асхар Х. Хилийн боомтын өнөөгийн байдал, эрх зүйн орчинг боловсронгуй болгох зарим асуудал [Текущее состояние пограничных пунктов пропуска и проблемы улучшения правовой среды] / Х. Асхар // Law Enforcement. — 2018. — № 3. — С. 36–42.
4. Хасбаатар. Проблемы развития пунктов пропуска АРВМ на границе с Монголией [Нэймэнгудуй Мэн лулу коуань фачжань чжун цуньцзай дэ вэньти цзи дуйцэ] / Хасбаатар // Бэйфан цзинци. — 2014. — № 9. — С. 49–51.
5. Намжилова В.О. Монголо-китайская граница: преобразования приграничной инфраструктуры и влияние ЭПШП / В.О. Намжилова, В.С. Батомункуев. — DOI 10.31857/S013128120013887-6 // Проблемы Дальнего Востока. — 2021. — № 1. — С. 21–32.

References

1. Yang Chenhua. China–Mongolia–Russia Economic Corridor: promotion of mutually beneficial cooperation. In Bazarov B.V., Yang Chenhua (ed.). *China - Mongolia - Russia Economic Corridor: Road Map. Materials of the III International Forum, Ulan-Ude, September 17-22, 2017*. Ulan-Ude, 2017, pp. 14–17. (In Chinese).
2. Wuyun. Issues on Trade and Economic Cooperation of Mongolia and China. *Olon uls sudlal = Journal of International Studies*, 2018, no. 1, pp. 81–101. (In Mongolian).
3. Askhar Kh. Some Issues of Improving the Current Situation and Legal Environment of Border Point. *Law Enforcement*, 2018, no. 3, pp. 36–42. (In Mongolian).
4. Khasbaatar. Problems of the Development of IMAR Checkpoints on the Border with Mongolia. *Beifang jingji*, 2014, no. 9, pp. 49–51. (In Chinese).
5. Namzhilova V.O., Batomunkuev V.S. Mongolian-Chinese Border: Transforming Border Infrastructure and the Impact of the SBER. *Problemy Dalnego Vostoka = Far Eastern Studies*, 2021, no. 1, pp. 21–32. (In Russian). DOI: 10.31857/S013128120013887-6.

Информация об авторе

Намжилова Виктория Очировна — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Бурятский научный центр, Сибирское отделение Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, e-mail: dayavika@yandex.ru.

作者信息

Victoria O. Namzhilova — 经济学博士, 研究员, 俄罗斯科学院西伯利亚分院布里亚特科学中心, 乌兰乌德市, 俄罗斯联邦, 邮箱: dayavika@yandex.ru.

Author

Victoria O. Namzhilova — PhD in Economics, Research Fellow, Buryat Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: dayavika@yandex.ru.

Для цитирования

Намжилова В.О. Значение пограничных пунктов пропуска товаров Внутренней Монголии для развития трансграничных связей КНР / В.О. Намжилова. — DOI 10.17150/2587-7445.2021.5(3).179-184 // Российско-китайские исследования. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 179–184.

For Citation

Namzhilova V.O. The Importance of Border Checkpoints of Goods of Inner Mongolia for the Development of Cross-Border Relations of People's Republic of China. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 179–184. (In Russian). DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).179-184.

История международных отношений

国际关系历史

History of International Relations

УДК 339.5/.9(510+571.6)

DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).185-191

**Чешское монголоведение: персоналии, центры,
современное состояние****Ю.В. Кузьмин**

Байкальский государственный
университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Дата поступления:

29.10.2021

Дата принятия к печати:

29.11.2021

Дата онлайн-размещения:

29.12.2021

Аннотация. В современном мире углубление международных отношений и укрепление международных связей являются ведущими трендами развития мировой экономики. Как страны Запада, так и Востока стараются активизировать в эпоху глобализации тесные партнерские взаимовыгодные межстрановые контакты, поскольку они могут выступить в качестве триггеров их дальнейшего поступательного развития.

Как свидетельствует практика, в XXI в. особо успешным и результативным для обеих сторон становится диалог между развитыми странами Европы и активно развивающимся Востоком. Одним из уникальных примеров проявления интереса Запада к Востоку является развитие востоковедения и монголоведения в Чехии, стадия активного становления которого приходится на XX в.

В статье доказывается, что современное чешское монголоведение занимает важное место в европейском востоковедении. Проводится анализ научного вклада в изучении Монголии ведущими чешскими монголоведами: П. Поуха, Лумир Иисл, Я. Вацек, И. Шима, И. Гролова. Дается краткая характеристика современного состояния чешского монголоведения в Карловом университете г. Праги. Делается вывод о наличии научного интереса в Европе к монгольской лингвистике и культуре монголов, что способствует укреплению культурной идентичности Монголии. На основе существования преемственности исследований и наличия сложившейся оригинальной научной школы монголистики в Чехии, высказывается предположение о возможности в перспективе углубления исследований по проблемам экономики, экономической географии Монголии, что, безусловно, будет способствовать укреплению взаимоотношений двух стран.

Ключевые слова. Чешское монголоведение, XX век, П. Поуха, Я. Вацек, И. Шима, Карлов университет, Восточный институт Академии наук, современное состояние.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-59-44008 Монг_а «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

捷克蒙古族研究：人物、中心、现状

Yu.V. Kuzmin

贝加尔国立大学，
伊尔库茨克，俄罗斯联邦

结稿日期：2021年10月29日
出版日期：2021年11月29日
网上出版日期：2021年12月29日

摘要：在现代世界，深化国际关系和加强国际联系是世界经济发展的主导趋势。在全球化时代，西方和东方国家都努力加强密切的国家间伙伴关系，因为它们可以作为进一步进步的触发因素。

实践证明，在21世纪，欧洲发达国家与积极发展的东方国家之间的对话正变得特别成功，对双方都有好处。西方对东方的兴趣的独特例子之一是捷克共和国的东方和蒙古研究的发展，其积极形成的阶段属于二十世纪。

文章证明，现代捷克蒙古族研究在欧洲东方学中占据了重要地位。对捷克主要蒙古学家对蒙古国研究的科学贡献进行了分析：P. Poucha、Lumir Iisl、J. Vacek、I. Shima 和 I. Grollova。简要介绍一下布拉格查尔斯大学的捷克蒙古语研究现状。结论是，欧洲对蒙古语言学 and 蒙古文化有科学兴趣，这有助于加强蒙古的文化认同。基于研究的连续性和捷克共和国存在原始的蒙古科学学校，可以假设对蒙古的经济问题、经济地理进行深入研究的前景，这必将有助于加强两国的关系。

关键词：捷克蒙古族研究，20世纪，P. Poucha, J. Vacek, I. Shima, 查尔斯大学，科学院东方研究所，当前状态。

资金来源：RFBR Grant 20-59-44008 Mong_a 世界和俄罗斯蒙古族研究：民族学校、概念、人物。

Mongolian Studies in the Czech Republic: Personalities, Centers, Current State

Yu.V. Kuzmin

Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation

Received: 2021 October 29
Accepted: 2021 November 29
Available online: 2021 December 29

Abstract. Nowadays, improving international relations and strengthening international ties are leading trends in the development of world economy. In the epoch of globalization, both western and eastern countries are trying to promote close mutually profitable partnership relations between countries, because it can serve as a trigger for their further gradual development.

As it can be observed in the practice, in the 21st century, the dialogue between the developed European countries and the actively developing East is becoming especially successful and efficient for both parties.

One of the unique examples of the interest of the West towards the East is the development of Oriental and Mongolian studies in the Czech Republic. Its climax can be observed in the 20th century.

The author of the article proves that contemporary Mongolian studies in the Czech Republic play a significant role in European Oriental studies. Analysis of the scientific contribution of the leading Czech specialists in Mongolian studies: P. Poucha, Lumir Iisl, Ya. Vacek, I. Shima, I. Grollova is conducted. A brief description of the current state of Mongolian studies in Charles University in Prague, the Czech Republic is given. The author draws a conclusion about the presence of scientific interest towards Mongolian linguistics and culture in Europe, which contributes to strengthening cultural identity of Mongolia. On the basis of continuity of research and the presence of an original scientific school of Mongolian studies in the Czech Republic, the author makes an assumption about the possibility of extending

research of the issues of economy and economic geography of Mongolia, which will, undoubtedly, contribute to strengthening the relations between the countries.

Keywords. Mongolian studies in the Czech Republic, 20th century, P. Pouha, Ya. Vacek, I. Shima, Charles University, Oriental Institute of the Academy of Sciences, current state.

Funding. The work was supported by grant of the Russian Foundation for Basic Research № 20-59-44008 Mong_a «World and Russian Studies of Mongolian History: National Scientific Schools, Concepts, Personalities».

Первые чешские исследователи Центральной Азии и Монголии появились во второй половине XIX в. Образование независимого государства Чехословакии в 1918 г. способствовало расширению изучения зарубежных стран, в том числе стран Внутренней Азии. Глубокие традиции изучения зарубежных стран и культур были в Карловом университете г. Праги, созданном еще в 1348 г. Пражский университет — один из старейших университетов Центральной Европы, имеющий сильные школы философии, теологии, истории, лингвистики. В 1920–1930-е гг. усилению изучения роли стран Запада и Востока, особенности взаимоотношений славянских языков и культур с восточной цивилизацией в Чехословакии способствовали русские профессора эмигранты из России, особенно так называемые евразийцы. В Праге были созданы Русский юридический факультет, Русский педагогический институт, а также образован Русский заграничный исторический архив. Имена профессоров Н.П. Кондакова, Г.В. Вернадского, В.Ф. Минорского вошли в историю мировой исторической мысли. Однако, крупный шаг в изучении истории и культуры Монголии был осуществлен в Чехословакии после Второй мировой войны, в 1960–1980-е гг. XX в.

Мировую известность получили научные исследования американского антрополога чешского происхождения Алеша Хрдлички (1869–1943 гг.), который дважды, в 1912 и 1919 гг. побывал в Монголии, собирал антропологический и этнографический материал. С 1903 г. — сотрудник Музея естественной истории, в 1910–1942 гг. — руководитель отдела физической антропологии Национального музея в Вашингтоне. На основе полевых исследований он доказал гипотезу о заселении Американского континента через Берингов пролив из Азии, поэтому длительное время изучал индейские племена и народы Азии («Приход человека из Азии в свете новых исследований» (1932 г.).

Длительное время европейские ученые значительно больше внимания уделяли изучению Китая, Индии, истории и культуры этих стран. К изучению Монголии, монгольского языка часто переходили от китаеведения, тюркологии, индологии. Монголоведение в «чистом виде» появилось в Чехословакии только после Второй мировой войны, и было связано с формированием социалистической системы, установлением чешско-монгольских дипломатических отношений.

Одним из крупнейших монголоведов Чехословакии, создателем современной школы чешского монголоведения является Павел Поуха (1906–1986 гг.). П. Поуха начал изучать востоковедение в Карловом университете в 1924 г., а в 1929 г. защитил докторскую диссертацию «К вопросу о турецком языке и литературе». С 1932 г. П. Поуха успешно работает в Институте востоковедения Академии наук, занимал посты заместителя директора института, ученого секретаря, заведующего Отдела изучения Индии [1]. Его труды по востоковедению получили национальное и мировое признание.

Он являлся востоковедом-лингвистом широких научных интересов, занимался вопросами санскрита, тохарской, тибетской и монгольской филологии, изучал восточное источниковедение. П. Поуха основательно изучил и представил перевод «Тайная хроника монголов» (1955 г.), «Сокровенное сказание — как исторический источник и литературный памятник» (1956 г.). С 1955 г. установил тесные научные и дружеские связи с известным монгольским ученым Б. Ринченем. При его помощи и поддержке в 1955 г. впервые приехал в Монголию, познакомился с культурой и бытом современной Монголии, ее степных жителей. В 1959 г. активно участвовал в Первом конгрессе монголоведов в Улан-Баторе, установил научные связи с ведущими монголоведами мира. Изучение в Монголии монгольского языка, этнографии и быта углубили его представления о монгольском этносе, его истории и культуре.

Ему принадлежат путевые очерки о современной Монголии: «13 тысяч километров по Монголии» («Trinact tisíc kilometra Mongolskem autem, parolodi a letadlem») (1957 г.), «В глубь Азии» («Do nitra Asie») (1962 г.) [1]. П. Поуха изучает письменное наследие монголов, исследует фольклор монголов: сказки, песни, пословицы и поговорки, а также юридические памятники Монголии.

В 1970 г. П. Поуха организовал на восточном отделении Пражского университета изучение монгольского и тибетского языков, направил студентов в Монголию, в Монгольский госуниверситет для изучения монгольского языка и Монголии, подготовил рукописный вариант «Чешско-монгольский словарь», перевел на чешский язык роман Б. Ринчена «Утренняя заря». П. Поуха собрал в Карловом университете значительную монголоведную библиотеку, которая постоянно пополняется новыми изданиями разных стран мира.

В Восточном институте Академии наук он создал научный центр изучения Монголии, в который пригласил И. Шима, И. Гролову, М. Кариполску, Лыгжиму Халоупкову, которые станут в будущем известными монголоведами страны.

Чехословакия в социалистический период активно помогает Монголии, строит промышленные предприятия, ведет геологические и археологические исследования. Известный чешский археолог Лумир Иисл (1921–1969 гг.) в 1958 г. возглавлял археологические раскопки известного тюркского комплекса VIII века [2]. Исследования велись совместно с монгольскими археологами от имени Академии наук Чехословакии. Лумир Иисл серьезно занялся документальной фотографией в Монголии, и осуществил цикл съемок Монголии 1957–1963 гг. В 2016 г. Посольство Чешской Республики в России, Чешский культурный центр организовали фотовыставку Л. Иисла в России «Монголия. 1957–1963. Исторические фотографии», которые запечатлели монгольские юрты, уклад жизни сельских жителей, портреты монголов, монгольских лам, степные караваны, охотников на сурков и др. Эта выставка также была представлена и в Монголии и вызвала значительный интерес монгольской общественности.

Учеником Павла Поуха является широко известный в современной Монголии Иржи Шима. И. Шима родился в 1943 г. в Праге. В 1959–1965 гг. учился на отделении философии Карлова университета, где изучал китайский язык и этнографию Китая. В 1960 г. первый раз приехал на стажировку в Монголию. Перевелся в

Монгольский государственный университет, где занимался монголоведением под руководством известного монгольского этнографа С. Бадамхан. Иржи Шима является первым чехом, получившим монголоведное образование в Монголии, свободно владеет монгольским языком [3].

В 1966–1969 гг. И. Шима работал переводчиком посольства Чехословакии в Китае. Затем в 1969–1990 и 1992–1995 гг. работает в Институте востоковедения Академии Наук Чехословакии, успешно занимается монголоведными исследованиями. В 1988 г. в Монголии защитил кандидатскую диссертацию «Чехословацко-монгольские отношения в 1945–1985 гг. и перспективы их развития». Были также подготовлены и изданы «Чешско-монгольский разговорник», «Монголо-чешский словарь» и «Чешско-монгольский словарь» (1987 г.)¹, цикл научных публикаций по монголоведению. Перевел на чешский язык литературные произведения Д. Нацагдоржа, Ц. Дамдинсүрэн, Ч. Лодойдамба, Л. Тудэва, С. Удвал и др.

В 1990–1992 гг. — Посол Чехословакии в Монголии. С 1995 г. — заведующий сектором Восточной Азии Института Востоковедения, основатель Общества друзей Монголии, вице-президент выпускников монгольских вузов, активный участник Международных конгрессов монголоведения в Улан-Баторе. Под Прагой создал музей монгольской культуры и быта — «Пражская юрта».

Крупным востоковедом-лингвистом Чехии и монголистом является профессор Ярослав Вацек (1943–2013 гг.). Я. Вацек по базовому образованию является специалистом тамильского и санскритского языков, в 1960–1965 гг. учился на факультете искусств Карлова университета. В 1967 г. защитил кандидатскую, а в 1979 г. — докторскую диссертацию, с 1991 г. — доцент, с 1993 г. — профессор тамильской и санскритской филологии [4].

В 1975–1983 гг. Я. Вацек регулярно приезжает в Монголию, в Монгольский университет, для изучения монгольского языка и сбора лингвистического и этнографического материала. Собрал языковой материал и издал учебники монгольского языка, словари и исследования по монгольскому языку. Профессор Я. Вацек серьезно пополнил научную библиотеку изданиями Монголии и других стран.

В 1993–2003 гг. Я. Вацек работал директором Института индийских исследований, в 2003–2006 — деканом факультета искусства и философии, с 2006 г. — Директором Института Южной и Центральной Азии Карлова универси-

¹ Дэлхийн монгол судлал. Монголч эрдэмтдийн лавлага. II боть. Улаанбаатар : Соембо принтинг, 2015. 380 х.

тета в Праге. Труды Я. Вацек получили национальное и международное признание, он был награжден престижными научными наградами в сфере востоковедения.

Я. Вацек опубликовал по монголистика следующие труды: «Разговорный монгольский язык. Вводный интенсивный курс» (2004), «Cilayun — u bicig». — Перевод, редакция и комментарии Я Вацек, Ж. Лувсандорж (1997 г.), являлся редактором журнала «Mongolica Pragensia» (2002–2007 гг.), где публиковались монгольские и тибетские исследования чешских и зарубежных монголистов [4].

Современное чешское монголоведение представляет новое поколение исследователей монгольской культуры, монгольского языка, религии и истории. Успешную дипломатическую и научную карьеру реализовала Ивана Гролова. Она родилась в 1963 г. в Праге, получила монголоведное образование, вышла замуж за монгола-внука монгольского академика Б. Ринчена Б. Дэнзэна — известного национального художника: графика и скульптора. В 1999–2007 гг. — дипломатический работник в МИД Чехии, в 2007–2012 — первый секретарь и советник Посла Чехии в Пекине, в 2012–2017 гг. — Посол Чехии в Монголии.

И. Гролова работала под руководством П. Поуха в Институте востоковедения АН, известный чешский монголовед, этнограф, культуролог, автор монографии «Монголия», соавтор монографии «Монголы: правнуки Чингисхана» (2001 г.), участница нескольких документальных фильмов о Монголии [5]. По мнению И. Гроловой, в советский период развития Монголии был уничтожен культурный слой, уничтожена традиционная монгольская интеллигенция и носители культурных традиций, старо-монгольская письменность. Поэтому современное монгольское общество испытывает серьезные трудности с элитой общества [5].

Образовательные и научные структуры Чехии приглашают в страну носителей монгольского языка и культуры, для более успешной подготовки молодых монголоведов в Карловом университете. Много лет в Чехии, в Карловом университете преподает Ж. Лувсандорж, в Институте Востоковедения работала Лыгжима Халоупкова (Л. Доржиева), носитель бурятского языка и специалист-монголист.

Лыгжима Халоупкова — доктор философии, родом из Забайкалья, с золотой медалью закончила среднюю школу в Агинске, затем кафедру монголо-тибетской филологии восточного факультета Ленинградского государственного университета (1972–1977 гг.),

защитила кандидатскую диссертацию и работала в Чехии в Институте Востоковедения АН, занимается проблемами истории буддизма у монгольских народов, монгольского источниковедения, выступает на международных конференциях в Монголии, России и странах Запада. В настоящее время выступает переводчиком монгольского языка в Чехии, оказывает языковую поддержку монголам в Чехии, организует съемки документальных фильмов западных операторов в Бурятии и Забайкалье [6]. Ее отец — Ж.Д. Доржиев (1917–2000) — историк, известный исследователь истории Забайкалья и Центральной Азии, директор Краеведческого музея в Агинске, автор монографии «Гомбожаб Цыбиков» (1990 г.).

Преподаватель монгольского языка Жугдэрийн Лувсандорж — много лет (с 1988 г.) преподает монгольский язык в Институте Южной и Центральной Азии на факультете философии Карлова университета. С 1968 г. он преподавал монгольский язык в Монгольском государственном университете, был заведующим кафедры, три года преподавал монгольский язык в ЛГУ. Более 20 лет Ж. Лувсандорж переводит «Сокровенное сказание», осуществляет собственную трактовку 2 300 слов этого литературного памятника, которые ранее, по его мнению, были переведены неточно или неправильно [7]. Он опубликовал серию статей в Чехии «Mongolica Pragensia», «Mongolo-Tibetica» и монографию по данной теме. Совместно с профессором Я.Вацеком издал учебное пособие по монгольскому языку. В 1970–1990-е гг. подготовил большую группу монголоведов не только Чехии, но и Европы и России.

Современная монголистика в Чехии, в Карловом университете развивается усилиями докторов наук Алены Оберфальзеровой, Вероники Капишовска, Вероники Зигмундовой, Ж. Лувсандоржа. Институт Южной и Центральной Азии и Институт Дальнего Востока стали называться Институтом азиатских исследований философского факультета Карлового университета.

Доктор философии Алена Оберфальзерова является с 1992 г. руководителем монголистики Карлова университета и читает на факультете следующие учебные курсы: «Введение в изучение монголоведения», «Монгольский язык», «Разговорные упражнения на монгольском языке», «Монгольское общество», «Священные места и божества Центральной и Южной Азии».

Она успешно занимается исследованием в области монгольского языка и опубликовала ряд статей по данной тематике: «Формальные аспекты метафорического выражения в монгольском

языке» (2002), «Использование монгольского языка в культурном контексте» (2003), «Язык снов — один из ключей к культуре кочевников» (2004), «Восприятие ландшафта монгольскими кочевниками» (2007), «Страх и довольство, пережитые монгольскими кочевниками» (2008), «Использование звукоподражательных слов в устной монгольской речи» (2011) и др. Ежегодно в Монголии она проводит полевые исследования и собирает лингвистический материал, который реализуется в научных публикациях. В полевых условиях собирается материал устной истории Монголии и Центральной Азии, языковой и материал по культуре монгольских и тюркских народов.

Магистр Вероника Капишовска преподает на кафедре: «Разговорный монгольский язык», «Современную монгольскую литературу», «Монгольскую поэзию», «Этнографию и искусство Монголии», «Этнологию Центральной Азии», «Введение в сравнительную алтаистику». Научные публикации В. Капишовски посвящены современному монгольскому языку: «Предварительное исследование заимствований в современном монгольском языке: коммуникативный подход к лексической интеграции» (2002), «Время в монгольском языке. От кочевых традиций к городскому образу жизни» (2004), «Языковое планирование в Монголии» (2005, 2006), «Адаптация заимствований в монгольском языке через образование глаголов» (2010), «Языковая ситуация монгольских мигрантов в Чехии» (2010), «Традиционные монгольские единицы и термины длины и расстояний» (2012) и др. Вероника Капишовска в совершенстве владеет монгольским языком, является официальным переводчиком Чехии, владеет монгольскими музыкальными инструментами.

Доктор наук Вероника Зигмундова читает следующие курсы: «Монгольский язык», «Элементарный маньчжурский язык», «Теория монгольской грамматики», «История Центральной Азии», «Современная история Монголии», «Традиции шаманизма Центральной Азии», «Тюркские языки», «Якутский язык». В. Зигмундова занимается изучением монгольского языка, особенно монгольского глагола, а также изучает тюркские языки, шаманизм и буддизм народов Внутренней Азии: Монголии, Китая, Бурятия.

Монголисты издали учебные пособия по монголистике: «Чешско-монгольский словарь по межкультурной работе» (В. Капишовска, В. Зигмундова (2014 г.), «История Монголии» И. Срба и Михаила Шварца (2015 г.).

Чешские монголисты активно сотрудничают с Посольством Монголии в Чехии, совместно от-

мечают монгольские национальные праздники и научные мероприятия, оказывают научную поддержку чешскому бизнесу, работающему в Монголии, консультируют торговые и экономические организации по особенностям ведения бизнеса в кочевой стране.

Все преподаватели-монголисты активно занимаются научно-исследовательской работой по монголистике, участвуют в международных научных конференциях, участвуют в полевых экспедициях в Монголии, Внутренней Монголии, Бурятии, публикуют статьи в чешских и зарубежных монголоведных изданиях. Они издают на английском языке научные результаты своих поисков в монголоведении в журналах «Mongolica Pragensia», «Mongolo-Tibetica Pragensia», посвященные монгольской литературе, источниковедению Монголии, буддизму и шаманизму монгольских народов².

Таким образом, современное чешское монголоведение занимает важное место в европейском востоковедении. Чешские монголисты публикуют свои исследования и периодические издания с 1990-х гг. в основном на английском и монгольском языках. Более тесные научные связи установлены с европейскими и мировыми центрами монголоведения. Сильной стороной чешской монголистики является высокая языковая подготовка, привлечение монгольских специалистов для преподавания и совместной научной работы. Постоянные полевые исследования в Монголии и Внутренней Монголии КНР, Бурятии, Тыве позволяют изучать современные тенденции в монгольской лингвистике, монгольские диалекты, собирать устную историю Центральной Азии и Монголии, исследовать шаманизм и буддизм в регионе. Значительно меньше уделяется внимания проблемам истории Монголии, вопросам монгольского источниковедения и историографии. Незначительное число работ посвящено проблемам экономики, экономической географии Монголии, преобладают специалисты по монгольскому языку и литературе, духовной культуре монголов (шаманизм, буддизм, искусство). Видимо, сказывается ограниченное число монголоведов и преобладание научного интереса к монгольской лингвистике и культуре монголов. Несомненным достоинством чешского монголоведения являются преемственность исследований и формирование оригинальной научной школы монголистики.

² Mongolica Pragensia. 2002-2007. URL: <https://uas.ff.cuni.cz/veda-a-vyzkum/mongolica-pragensia/>; Mongolo-Tibetica Pragensia. 2008-2016.

Список использованной литературы

1. Гольман М.И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е — середина 90-х годов / М.И. Гольман. — Москва : Институт Востоковедения РАН, 2004. — 334 с.
2. Капишовска В. Улан-Батор в фотографиях Лумира Йисла / В. Капишовска // Улан-Батор 1957–1963 гг. — Улан-Батор, 2015. — С. 34–37.
3. Кузьмин Ю.В. Энциклопедия мирового монголоведения / Ю.В. Кузьмин, А.С. Хеубшман. — DOI 10.18101/2306-753X-2016-1-59-64 // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — 2016. — № 1. — С. 59–64.
4. Oberfalzerova A. Jaroslav Vacek — Life and Work / A. Oberfalzerova // *Mongolo-Tibetica Pragensia*. — 2013. — Vol. 6, no.1. — P. 11–22.
5. Ройтман Л. О книге «Монголы. Правнуки Чингисхана» / Л. Ройтман // Радио Свобода. — 2001. — URL: <https://www.svoboda.org/a/24202505.html>.
6. Халопкова Л. Рада навестить родные места / Л. Халопкова // Агинская правда. — 2014. — 11 авг.
7. Лувсандорж Ж. «Сокровенное сказание монголов» нужно переводить заново / Ж. Лувсандорж // ARD. — URL: <https://asiarussia.ru/persons/8977/>.

References

1. Golman M.I. *Mongol Studies in the West (Centers, Cadres, Societies). 50s — mid-90s of the XX Century*. Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS, 2004. 334 p.
2. Kapishovska V. Ulaanbaatar in the Photos of Lumir Iisl. *Ulaanbaatar 1957–1963*. Ulaanbaatar, 2015, pp. 34–37. (In Mongolia).
3. Kuzmin Yu.V., Heubschman A.S. Encyclopedia of the World Mongolian Studies. *Vestnik BGU. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii = BSU Bulletin. Human Research of Inner Asia*, 2016, no. 1, pp. 59–64. (In Russian). DOI: 10.18101/2306-753X-2016-1-59-64.
4. Oberfalzerova A. Jaroslav Vacek — Life and Work. *Mongolo-Tibetica Pragensia*, 2013, vol. 6, no.1, pp. 11–22.
5. Roitman L. On the Book “The Mongols. Great-grandsons of Genghis Khan”. *Radio Svoboda*, 2001. Available at: <https://www.svoboda.org/a/24202505.html>. (In Russian).
6. Khaloupkova L. Glad to Visit Native Places. *Aginskaya pravda*, 2014, August 11. (In Russian).
7. Luvsandorzh Zh. “The Secret History of the Mongols” Needs to be Retranslated. *ARD*. Available at: <https://asiarussia.ru/persons/8977/>. (In Russian).

Информация об авторе

Кузьмин Юрий Васильевич — доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: Kuzminuv@yandex.ru.

作者信息

Yuri V. Kuzmin — 历史科学博士，世界经济和经济安全系教授，贝加尔国立大学，伊尔库茨克，俄罗斯联邦，邮箱: Kuzminuv@yandex.ru.

Author

Yuri V. Kuzmin — D.Sc. in History, Professor, Department of World Economy and Economic Security, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Kuzminuv@yandex.ru.

Для цитирования

Кузьмин Ю.В. Чешское монголоведение: персоналии, центры, современное состояние / Ю.В. Кузьмин. — DOI 10.17150/2587-7445.2021.5(3).185-191 // Российско-китайские исследования. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 185–191.

For Citation

Kuzmin Yu.V. Mongolian Studies in the Czech Republic: Personalities, Centers, Current State. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 185–191. (In Russian). DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).185-191.

Рецензии. отклики на публикации

评论。期刊出版反馈

Reviews. Responses to the Publishing of the Journal

УДК 341.222(470:510)(091)

DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).192-197

Новый труд по истории российско-китайской границы***И.В. Олейников**

Иркутский государственный университет; Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Дата поступления:

15.11.2021

Дата принятия к печати:

29.11.2021

Дата онлайн-размещения:

29.12.2021

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию А.Л. Анисимова и А.П. Костюченко «Демаркация российско-китайской границы на Дальнем Востоке и участие в ней пограничных органов: исторический опыт и современность». В книге освещены проблемы истории договоров о границе, вопросы демаркации и делимитации российско-китайской границы, отражен процесс решения проблемы границы в конце XX — начале XXI в.

Ключевые слова. Россия, Китай, история, рецензия, граница, демаркация, делимитация, пограничные органы.

关于中俄边界历史的新著作****I.V. Oleynikov**

Иркутский государственный университет;
Байкальский государственный университет,
Иркутск, Российская Федерация

结稿日期：2021年11月15日

出版日期：2021年11月29日

网上出版日期：2021年12月29日

摘要：本文是对Anisimov A. L.和Kostyuchenko A. P.的“远东中俄边界标定以及边界机构的参与：历史经验和现代性”专著的评论。本文突出边界条约的历史，中俄边界的标定与划界的问题，以及反映二十世纪末至二十一世纪初解决边界问题的过程。

关键词：俄罗斯，中国，历史，评论，边界，标定，划界，边界机构。

* Рец. на кн.: Анисимов А.Л. Демаркация российско-китайской границы на Дальнем Востоке и участие в ней пограничных органов: исторический опыт и современность / А.Л. Анисимов, А.П. Костюченко. — Хабаровск : ДВУОИ МВД России, 2019. — 316 с.

** 对Anisimov A. L.和Kostyuchenko A. P. 的“远东中俄边界标定以及边界机构的参与：历史经验和现代性”专著的评论。哈巴罗夫斯克：俄罗斯联邦内务部远东司法学院，2019，第316页。

A New Monograph on the History of the Russian-Chinese Border*

I.V. Oleynikov

Irkutsk State University;
Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation

Received: 2021 November 15
Accepted: 2021 November 29
Available online: 2021 December 29

Abstract. The article is a review of the monograph by Alexander L. Anisimov and Alexander P. Kostyuchenko «The Demarcation of the Russian-Chinese Border in the Far East and the Participation of Border Guard Services in It: Historical Experience and the Present». The book highlights the problems of the history of border treaties, issues of demarcation and delimitation of the Russian-Chinese border, reflects the process of solving the border problem in the late XX – early XXI centuries.

Keywords. Russia, China, history, review, border, demarcation, delimitation, border guard services, border guard agencies.

* Review of the Monograph by Alexander L. Anisimov and Alexander P. Kostyuchenko 'The Demarcation of the Russian-Chinese Border in the Far East and the Participation of Border Guard Services in It: Historical Experience and the Present'. Khabarovsk: Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 316 p.

Осенью 2019 г. была опубликована коллективная монография А.Л. Анисимова и А.П. Костюченко «Демаркация российско-китайской границы на Дальнем Востоке и участие в ней пограничных органов: исторический опыт и современность», в которой отражены российско-китайские отношения в политической сфере по вопросу демаркации и делимитации границы с конца XVII по начало XXI столетия. Интересна схема построения работы — процесс переговоров, вопросы демаркации и делимитации представлены сквозь призму интересов не только структур центральной власти и дипломатических ведомств Российской империи, СССР и России, но и сквозь оптику восприятия ситуации пограничными силовыми структурами и региональными властями. На содержание сюжетов, рассматриваемых в книге, указывает и дизайн обложки — флаги России и Китая на фоне р. Амур, линии границы и пограничного столба, фоном является карта российско-китайской границы в районе г. Хабаровска с нанесенной пограничной линией в районе о. Большой Уссурийский. Тираж книги незначителен, составляет всего 500 экземпляров. Таким образом, настоящая рецензия будет способствовать популяризации рассматриваемого труда исследователей в профессиональном сообществе.

Исторически, будучи окраинами, приграничные районы Российской империи и империи Цин развивались в комплексном взаимодействии. От состояния российско-китайских отношений в большой степени зависели успехи внешней и внутренней политики России и Китая, ведь стабильность на протяженной и мало-

освоенной границе позволяла концентрировать силы на других, более сложных направлениях. Общее состояние пограничного вопроса в российско-китайских отношениях в XVII — XIX столетиях во многом определяло баланс сил не только в Восточной Азии, но и оказывало влияние на развитие всей системы международных отношений.

Территориальные и экономические проблемы по своей значимости и степени внимания со стороны властей (центральных и местных) двух государств-контрагентов преобладали над другими и решались с помощью как защиты рынков от иностранного влияния, так и расширения сферы собственного контроля над ресурсами.

Работа А.Л. Анисимова и А.П. Костюченко выстроена по хронологическому принципу, на основе выделения базовых этапов в развитии пограничного вопроса между Россией и Китаем. События в отношениях сторон раскрыты при помощи принципов историзма.

Новизну исследованию придает серьезный корпус привлеченных источников, прежде всего архивных. Ученые тщательно проработали документы и материалы из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), региональных архивов Приморья, Еврейской автономной области, администраций Приморского и Хабаровского краев. Были привлечены и документальные источники из Архива Пограничного управления ФСБ России по Хабаровскому краю и ЕАО и Центрального пограничного архива ФСБ России.

В работе использовались и опубликованные документальные источники — материалы из сборников договоров и документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке, внешней политики Российской империи, Советского Союза и России. Привлечены и разнообразные мемуарные источники. Монографическое исследование опирается на объемный блок библиографии, проанализировано более двухсот трудов по истории и современному состоянию пограничного вопроса в российско-китайских отношениях.

Монография состоит из введения, двух глав, состоящих из шести параграфов, обширного списка источников и специальной литературы, информативного массива приложений. Первая глава «Формирование российско-китайской границы и ее демаркация в конце XVII — начале XX вв.» посвящена преимущественно историко-политическим аспектам взаимодействия России и Китая по пограничному вопросу. Действительно, в первом параграфе главы отражено становление российско-китайского взаимодействия в отношении границ в 80-е гг. XVII — начале XX вв., испытывавших многократные трансформации. Отметим, что после длительного периода конфронтации на границе (1684–1687 гг., хотя отдельные столкновения происходили с 40-х гг. XVII в.) некоторые противоречия между государствами-контрагентами частично были сняты Нерчинским договором 1689 г., который зафиксировал решение пограничного вопроса (в пользу империи Цин) в регионе, создал определенную базу в отношениях России и Китая, было положено начало как официальным экономическим связям между двумя государствами, так и сложному процессу разграничения, продолженному впоследствии в XVIII — XIX вв. После подписания Кяхтинского трактата 1727 г., определившего основы экономических связей между странами вплоть до середины XIX в., наблюдалась некоторая стагнация политической составляющей отношений. Следствием этого стало ослабление российских вооруженных сил в регионе и, соответственно, рост влияния на дальневосточную политику Российской империи экономического рычага, которым являлся доступ к китайскому внутреннему рынку. Поэтому вся российская политика в регионе отличалась в течение долгого времени (1727 — 40-е гг. XIX) крайней осторожностью и сдержанностью.

Следующий период российско-китайских отношений, 50–60-е гг. XIX в., характеризуется насыщенностью политических взаимоотноше-

ний. Сторонами были подписаны такие важные и определявшие многие аспекты отношений соглашения, как Айгуньский и Тяньцзиньский договоры 1858 г. и Пекинский договор 1860 г., в общем определившие восточный участок границы, способствовавшие развитию и интенсификации мирных отношений между соседствующими государствами.

Справедлив вывод авторов о том, что «Огромную роль в присоединении Приамурья и Приморья и в формировании современной границы на Дальнем Востоке сыграл генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев <...> Пограничные представители первоначально играли в этот период незначительную роль. Их задача сводилась к сбору информации о неразграниченных землях и охране существующей границы, затем их задачи расширились и они приняли участие в демаркационных работах на границе» [1, с. 49].

Во втором параграфе первой главы отражены проблемы редемаркации советско-китайской границы в 20-х гг. — начале 90-х гг. XX в. Особый акцент сделан на непростом периоде гражданской войны в России и «смуты в Китае». Авторы отмечают, что «В 1928 г. последовало первое официальное заявление Китая (нота от 30 мая 1928 г.) с претензией на эти острова и переносе границы с протоки Казакевича под Хабаровск. Заявление было отклонено советской стороной» [1, с. 51]. Исследователи анализируют проблему разграничения между двумя державами, существовавшую в условиях обострения ситуации на советско-китайской границе и конфликта на КВЖД, после которого острова стали интенсивно осваиваться советской стороной. Освещены основные документы, подписанные в рамках этого периода, в частности Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой. Выявлены изменения во взаимодействии сторон на границе после создания Японией марионеточного государства Маньчжоу-Го — так, отмечается, что «В октябре 1933 г. Центральный исполнительный комитет СССР (далее ЦИК СССР) принял закрытое решение о сдвиге линии границы ближе к Китаю. СССР явочным порядком взял под контроль почти все острова на Амуре и Уссури, произошло смещение границы на ряде сухопутных участков» [1, с. 52].

А.Л. Анисимов и А.П. Костюченко подчеркивают, что после завершения Второй мировой войны представители руководства советских

пограничных войск проводили встречи с работниками МИД СССР, предлагая начать переговоры с Китаем по уточнению и обозначению восточной части линии границы, но представители МИД Советского Союза полагали, что решение такого рода будет нецелесообразным [1, с. 59].

В параграфе рассмотрены непростые реалии переговоров о демаркации линии границы в 1960-х гг. — в период резкого ухудшения советско-китайских отношений. Анализируются особенности и специфика советско-китайских переговоров по пограничным вопросам во время постепенного ухудшения взаимодействия между государствами, начиная с 1963 г., фиксируются противоречивые позиции сторон, возникавшие в рамках заседаний рабочих групп.

Исследователи отмечают, что «В первой половине 1980-х гг. стали заметны изменения в линии поведения китайских пограничных властей. На встречах с советскими пограничными представителями они утверждали, что при наличии “серьезных препятствий” между СССР и КНР нужно развивать контакты и дружбу сторон на местном, ведомственном уровне (между пограничниками, транспортниками, работниками местной торговли и др.), убеждая, что это практичнее, чем “дружба наверху”» [1, с. 63]. Показаны условия создания Межведомственной комиссии из сотрудников МИДа, АН СССР, ГУПВ КГБ и Генштаба для проверки советско-китайской границы, анализа исторических, картографических, договорных материалов по ее оформлению, отражены вопросы перезапуска советско-китайских переговоров о границе в условиях прихода к власти в СССР нового руководства во главе с М.С. Горбачевым. Отражены итоги заседания в феврале 1987 г., отмечено, что «...материалы и выводы МКВ, утвержденные правительством, в МИДе практически игнорировались и это не укрепляло позиции советской делегации на переговорах» [1, с. 65], приводятся итоги последующих, крайне сложных раундов переговоров между СССР и КНР по пограничным вопросам в районе Хабаровска и Памира, критикуется (порой весьма жестко) уступчивость советского МИДа эпохи перестройки — «В январе 1991 г. ушел в отставку руководитель МИДа Э.А. Шеварнадзе. Его деятельность на посту министра иностранных дел была не просто непродуктивной, но и подчас негативной для нашей страны» [1, с. 71]. Показана тяжелая ситуация с демаркацией границы в период коллапса СССР и структур, ответственных за реализацию процесса.

В третьем параграфе рассмотрены политико-правовые проблемы демаркации российско-китайской границы в 1990-е гг. XX — начале XXI вв. Показаны результаты работы российской делегации по демаркации российско-китайской государственной границы, приведены тексты распоряжений Президента РФ Б.Н. Ельцина, глав администраций российских регионов, проанализирована кропотливая повседневная деятельность пограничников, ведомственных структур по демаркации «отдельных несогласованных участков границы», проведения гидрографических исследований главного фарватера р. Амур в условиях слабости центральной государственной власти. Особый фокус в исследовании сделан на позиции властей Хабаровского края, в частности, губернатора В.И. Ишаева, относительно решения проблемы спорных островов на р. Амур, полагавшего, что «...государственная граница России с Китаем в Хабаровском крае проходит по рекам Амур и Уссури и острова Большой Уссурийский и Тарабаров принадлежат России» [1, с. 88]. Отмечается, что «Позиция <...> В.И. Ишаева по возможным территориальным уступкам КНР была крайне негативной <...> В.И. Ишаев предпринял ряд мер по укреплению российского присутствия на островах» [1, с. 92–93], при нем на Большом Уссурийском острове был построен православный храм и в 2002 г. восстановлен понтонный мост через Амурскую протоку. Однако отмечено, что бескомпромиссная позиция губернатора Хабаровского края не повлияла в существенной степени на демаркационный процесс после подписания российско-китайского Дополнительного соглашения о границе на ее восточной части в октябре 2004 г., согласно которому о. Тарабаров отходил к Китаю, а территория о. Большого Уссурийского была поделена между государствами. Схожую позицию в отношении проблемы разграничения — недопущения передачи территорий КНР, занимало и руководство Приморского края, несогласное с решениями Москвы и Пекина. Фиксируется факт использования проблемы демаркации региональной и центральной элитой для достижения политических целей.

Авторы последовательно и с нажимом пера отмечают: «...иногда интересы пограничных органов КГБ сталкивались с интересами МИДа, чья позиция в большей степени воспринималась руководством страны. Под давлением ФПС России МИД вынужден был частично менять свою позицию» [1, с. 104].

Во второй главе исследования подробно рассмотрено участие пограничных органов в демаркации российско-китайской границы на Дальнем Востоке. В первом параграфе выявлена позиция центрального руководства пограничной службы по вопросу демаркации восточного участка границы между государствами, не противоречившая позиции Министерства иностранных дел РФ, но формировавшая собственный взгляд на решение вопроса «...исходя из интересов охраны границы. Позиция ФПС России вынудила МИД скорректировать свою позицию по ряду спорных вопросов демаркации, в частности, Россия сумела сохранить за собой половину о. Б. Уссурийский» [1, с. 123].

Второй параграф представляет собой тщательный анализ процесса демаркации российско-китайской границы в зоне ответственности Дальневосточного пограничного округа, отражена работа демаркационных комиссий и групп, в том числе и непосредственно на местности — определение координат, установка и контрольные измерения пограничных знаков. Авторы признают, что «Тяжелая экономическая обстановка в стране, трудности в финансировании и материальном обеспечении Дальневосточного пограничного и военного округов в значительной степени оказывали негативное влияние на ход демаркационных работ и их качество» [1, с. 133]. Только 14 октября 2008 г. на о-вах Большой Уссурийский и Тарабаров была завершена демаркация границы России с КНР.

Третий параграф книги посвящен освещению истории процесса демаркации российско-китайской границы в зоне ответственности Тихоокеанского пограничного округа — показано содержание повседневной работы пограничников на местности, выявление ими мнения местных жителей, считавших, что в некоторых случаях проведение границы по прямым линиям в строгом соответствии с Соглашением 1991 г. несправедливо, так как на китайской территории оставалась Братская могила советским воинам, павшим в сражении у оз. Хасан 1936 г. [1, с. 157]. Отражена работа пограничников по демаркации границы в районе стыка границ РФ, КНР и КНДР.

В заключении отмечается, что «Главный итог демаркации состоит в том, что впервые в истории российско-китайских отношений государственная граница с Китаем четко обозначена на местности и юридически закреплена соответствующими межправительственными документами — протоколами описаниями линии

границы на ее восточной и западной части и прилагаемыми к ним картами» [1, с. 166], показана роль сотрудников пограничных структур, участвовавших в выработке пограничной политики, усилении российской позиции и переговорах с китайской стороной.

Положительным достоинством коллективной монографии являются комплексные и обстоятельные приложения, в которых можно найти тексты ключевых документов — договоров, соглашений, рабочих протоколов по делимитации и демаркации, посвященных проблеме урегулирования пограничных вопросов между Россией и Китаем. Приведен текст документа периода 1990-х гг. — Соглашение между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части. Особо ценны тексты введенных в научный оборот документов Центрального пограничного архива ФСБ России — Пояснительной записки к отчетной карте по результатам рекогносцировки демаркационных работ на участке 9 демаркационной группы российской стороной, Пояснительной записки к отчетным картам по результатам рекогносцировки местности на участках восьмой, девятой, десятой демаркационных групп ТОПО и Плана подготовки и проведения 2-й встречи совместной российско-китайской демаркационной рабочей группы № 9 в 1994 г. Указанные документы отражают содержание повседневной сложнейшей работы российских пограничников по непосредственной демаркации государственной границы. Особенностью книги является и подробный список персоналий — российских пограничников, принимавших участие в сложнейшем и непростою процессе демаркации российско-китайской границы, присутствует фокус на личностном аспекте истории демаркации. В приложениях содержатся и фотографии директоров Федеральной пограничной службы (ФПС) РФ и других участников демаркационного процесса.

К недостаткам работы относится несколько фрагментарное использование зарубежных исследований и публицистики по рассматриваемой проблематике на английском языке — в библиографии приведены тексты конца 1970-х — начала 1980-х гг., в то время как исследование отражения событий конца 1980-х, 1990-х и 2000-х гг. в англоязычной литературе представляет собой интересную для решения задачу.

Рецензируемая работа написана лаконичным и четким языком. Ее логика удобна и понятна для восприятия как студента, изучающего

историю развития российско-китайской границы, так и для ученого-историка и заинтересованного читателя. Главное достоинство рецензируемой работы — то, что в ней отражена непростая история переговоров по границе между Россией и Китаем с позиции пограничной службы, силового ведомства, жестко и бескомпромиссно защищающего национальные интересы России, в длительном бюрократическом торге правительственных структур по вопросу разграничения, в то время как в большинстве работ

по истории российско-китайского разграничения фокус сделан на дипломатическом аспекте и преимущественно позиции российского и советского МИДа. Избранный авторами ракурс рассмотрения сложнейшего вопроса истории российско-китайских отношений (в том числе и современной) формирует новизну исследования. Несомненно, знакомство с коллективной монографией будет полезно не только для историков и специалистов в области международных отношений, но и для политологов и географов.

Список использованной литературы

1. Анисимов А.Л. Демаркация российско-китайской границы на Дальнем Востоке и участие в ней пограничных органов: исторический опыт и современность / А.Л. Анисимов, А.П. Костюченко. — Хабаровск : ДВЮИ МВД России, 2019. — 316 с.

References

1. Anisimov A.L., Kostyuchenko A.P. *The Demarcation of the Russian-Chinese Border in the Far East and the Participation of Border Guard Services in it: Historical Experience and Modernity*. Khabarovsk, FEI of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2019. 316 p.

Информация об авторе

Олейников Илья Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет; доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: ilyavasilich@yandex.ru.

作者信息

Ilya V. Oleynikov — 历史系, 政治, 历史和区域研究副教授, 伊尔库茨克国立大学; 国际关系与海关系副教授, 贝加尔国立大学, 伊尔库茨克, 俄罗斯联邦, 邮箱: ilyavasilich@yandex.ru.

Author

Ilya V. Oleynikov — PhD in History, Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University; Associate Professor, Department of International Relations and Customs Affairs, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ilyavasilich@yandex.ru.

Для цитирования

Олейников И.В. Новый труд по истории российско-китайской границы / И.В. Олейников. — DOI 10.17150/2587-7445.2021.5(3).192-197 // Российско-китайские исследования. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 192–197. — Рец. на кн.: Анисимов А.Л. Демаркация российско-китайской границы на Дальнем Востоке и участие в ней пограничных органов: исторический опыт и современность / А.Л. Анисимов, А.П. Костюченко. — Хабаровск : ДВЮИ МВД России, 2019. — 316 с.

For Citation

Oleynikov I.V. A New Monograph on the History of the Russian-Chinese Border. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 192–197. (In Russian). DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).192-197.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКУЕМЫМ СТАТЬЯМ

1. Условия опубликования статьи:

— представляемая для публикации статья должна быть оригинальным (ранее не опубликованным), самостоятельным, завершенным, характеризующимся внутренним единством исследованием актуальной проблемы, связанной с теорией и методологией исследований российско-китайских отношений в историческом, социальном, демографическом, экономическом, политическом и культурном аспектах;

— соответствовать правилам оформления;

— текст статьи тщательно вычитывается и подписывается автором (-ами), который (-ые) несет (-ут) ответственность за оригинальность исследования и научно-теоретический уровень публикуемого материала;

— поступившие в редакцию статьи проходят обязательную процедуру «слепого» рецензирования.

2. Сопроводительные документы к статье:

Заявка на опубликование статьи (форму заявки можно скачать на сайте <http://jq.bgu.ru/author/requirements.aspx>).

Фотография (-и) автора (-ов) (цветная, хорошего качества — отдельный файл формата *.jpg с разрешением 300 точек на дюйм, портрет, размером не менее 5x8 см).

3. Правила оформления статьи:

— подписанная заявка от каждого автора и текст статьи в формате Microsoft Word в электронном виде направляются в редакцию журнала по e-mail: racs@bgu.ru для проверки на соответствие формальным критериям;

— объем статьи: до 10–20 страниц (шрифт — Times New Roman, размер — 14 пт., межстрочный интервал — полуторный);

— статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

— заглавие статьи на русском и английском языках,

— фамилии и инициалы автора (-ов) на русском и английском языках,

— аннотацию на русском языке (200–250 слов), которая в объем статьи не входит. Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ необходим качественный перевод аннотации и названия статьи на английский язык,

— 5–10 ключевых слов на русском и английском языках,

— список использованной литературы: в оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее 20–30 источников, имеющих автора (в том числе не менее 5–8 источников на иностранном языке). Самоцитирование автора допускается не более 20 % от количества источников в списке. Нумерация в списке литературы осуществляется по мере цитирования. Электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты указываются в постраничных сносках и в список использованной литературы не выносятся,

— в статье должны быть сноски на литературу, оформленные согласно списку литературы в квадратных скобках. При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования,

— в списке литературы необходимо ссылаться на статьи из журналов по глобальным индексам цитирования (Scopus, Web of Science). Кроме того, рекомендуем ознакомиться с трудами ученых БГУ по тематике работы. Это можно сделать на сайте библиотеки университета или в системе РИНЦ, осуществив поиск по ключевым словам.

刊文要求

1. 发文条件：

申请刊发的文章要坚持原创性、独立性、完整性，研究的课题要具有真实性，与俄中在历史、社会、人口、经济、政治与文化领域的理论和研究方法上有关系。

格式要准确无误

正文要经过仔细审阅并要经作者声明对刊文材料的原创性和科学性上担负责任。

在校订文本的处理上要严格按照的审阅程序。

2. 文章的附件：

刊文的申请（申请表可以在 <http://jq.bgu.ru/author/requirements.aspx> 页面进行下载）

作者照片(清晰、质量要高，单张照片用JPG格式，分辨率每英寸达到 300，尺寸不小于 5*8 cm)

3. 文章的正确格式：

每名作者撰写的申请和文本要用 Microsoft Word 软件编辑完成，电子版发送到杂志编辑处：rcs@bgu.ru，进行格式标准的核对。

全文有 10—20 页，（用 Times New Roman 字体，14 号，1.5 倍行间距）

依据杂志的要求，文章应具备以下要素和格式：

文章题目要用俄英双语书写

作者的姓和名的首字母要用俄英双语书写

摘要一般用俄语 200-250 个单词构成，不必概括全文。如果在英文杂志网和罗斯科研文献资料网发表应当用英语写明注释和文章题目。

— 5—10 个关键词要用俄英双语

— 参考文献：在原创科研文章里应当列举至少 20—30 条引用源和其作者信息（其中包括不少于 5—8 条原外文资料）。作者引用参考原文的比例不能超过 20 %。文献里的编号尽可能的在引用里得到体现。如果材料作者在电子版的脚注中没有指出统计摘要、出版许可等信息，那么在所用的参考文献也无需指明。

— 在文章的脚注里要用方括号标明参考文献的出处和授权情况。如果某文献被多次引用应当在首次引用时注明编号。

参考文献可以引用球科研文献网刊载的文章（Scopus, Web of Science）。除此之外，建议了解一下贝加尔国立大学学者的学术成果。这个可以从大学图书网或在俄罗斯科研文献资料网系统里查找到关键词。

REQUIREMENTS FOR SUBMITTED ARTICLES

1. Requirements to meet for an article to be published:

The article submitted for publishing should be original, previously unpublished, independent, complete, coherent research into a topical issue related to the theory and methodology of studying Russian-Chinese relations in their historic, social, demographic, economic, political and cultural aspects;

The article is required to meet the formatting guidelines;

The text of the article is proofread and signed by the author (-s), who is (are) fully responsible for the research published being original and meeting the necessary level of a scientific theory.

All the articles submitted to the editorial board undergo the obligatory procedure of blind review.

2. Supporting documents required when submitting an article:

An article submission form (to be downloaded here: <http://jq.bgu.ru/author/requirements.aspx>).

A clear colour portrait photo (-s) of the author (-s) sent as an attachment, which is a JPG file with the 300 dpi resolution, and a size of not less than 5x8 cms.

3. Article formatting guidelines:

Each author submits a signed article submission form. The article is emailed as a Word file to racs@bgu.ru to be checked against the formal criteria;

The length of the article is 10–20 pages, the font is Times New Roman, the font size is 14, the line spacing is 1.5;

An article should be formatted in the following way:

It should have a title both in Russian and in English as well as the author's first, patronymic (or middle) and last names, and an abstract of 200–250 words in Russian, which is not included in the body of the article.

For an article to be published in the English version of the journal and in the Russian Science Citation Index database, an article should have a professional translation of its title and abstract into English.

An abstract is followed by 5–10 keywords.

The number of references in an original scientific article should be 20–30, with 5–8 of those in foreign languages. Self-citation can not exceed more than 20 per cent of the references. The references are numbered in accordance with their citation in the body of an article. Electronic sources, where authors are not stated, statistics books and normative legal acts are put in the footnotes and are not included in the references.

The body of the article should contain numbers in square brackets to indicate the reference. If the same reference is cited again, it is still cited with the same number.

References should contain articles from journals included in the Scopus and Web of Science databases. It is recommended to read the BSU researchers' works devoted to the topics covered. The BSU researchers' works are available on the BSU library website as well as in the Russian Science Citation Index database.

You can search them using keywords.